

АННА МОРИОН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ОДЕРЖИМЫЕ
СЕРДЦА

Анна Морион
Одержимые сердца
Серия «Они ходят среди нас», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63497807

SelfPub; 2021

Аннотация

В их бокалах плещется человеческая кровь, и они пьют ее , как мы вино. Они так похожи на нас, но рядом с ними мы лишь безобразная копия одного вида. Они превосходят нас во всем, но все же, и у них есть слабость: вампиры любят лишь единожды, и от выбора их сердца зависит их бесконечная жизнь. Что ждет этих прекрасных и кровожадных созданий: вечное счастье или вечные страдания? Великолепная Мария Мрочек, мечта многих мужчин полюбила, но эта женщина сделает все, чтобы победить в этой русской рулетке и обрести счастье с тем, кто, как и она, проклят насмешницей Судьбой.

Содержит нецензурную брань.

Анна Морион

Одержимые сердца

Глава 1

Смертные бывают такими надоедливymi. Это я знаю, как никто другой.

– Я звонил тебе пятьдесят раз, но ты игнорируешь меня!
Я насмешливо улыбнулась.

Курт. Этот смертный возомнил себя моим бойфрендом, после одной лишь проведенной со мной ночи. В ту пятницу мне было скучно, и я решила поразвлечься, только и всего. Он был хорош в постели, и холод моего тела даже нравился ему. В воскресенье я пригласила его к себе, и этот визит тоже закончился жаркой ночью. В понедельник утром я выставила его за дверь и вышвырнула его одежду в окно. Но, что за несчастье, кажется, он по уши влюбился в меня! А я, такая дура, сама дала ему свой номер... Как смешно!

И почему все эти смертные, которых я использую лишь для удовлетворения своих физических потребностей и развлечения, все поголовно влюбляются в меня и называют, как сумасшедшие? Караулят меня у пентхауса, где находится моя квартира, отслеживают на работе. За последние четыре года я стала известным фотографом в Канаде и США,

и эти типы приносят мне неудобства и тяжелые разговоры с заказчиками. «Что за тип здесь ошивается? Он пришел к тебе? Ты же знаешь правила – никакой личной жизни во время съемок и т. д.». И людишкам не объяснишь, что все эти идиоты находятся там с целью выяснить со мной отношения. Да, что за ерунда, какие отношения? Идиоты, я просто играю с ними, а, наигравшись, избавляюсь от старых игрушек. Убивать их, что ли? Нет, не хочется тратить на это мое драгоценное время.

Они все восхищаются мной и называют прекрасной, неземной, сексуальной дьяволицей, за которой они готовы пойти в Ад. Моя холодная белая кожа притягивает их, как магнит, они готовы целовать мои ноги, быть моими рабами. Но дело в том, что мне плевать на них. Их восхищение и любовь ко мне смещат меня. Смертные требуют моей любви! Требуют, чтобы я стала «постоянной» и не вела себя «как дорогая шлюха». Ха-ха! Они смеют надеяться на мою взаимность. Я никогда не обещаю взаимности, но честно и откровенно предупреждаю, что ищу связь на одну ночь. Я не даю ни капли надежды.

Этот Курт, двадцатипятилетний мальчик, которого я встретила в ночном клубе, возомнил, что теперь я должна быть с ним. Он ждал меня прямо у входа в пентхаус и загородил своей глупой самонадеянной особой дорогу к двери. Наивный. Но я готова была немного поиграть с ним.

– Послушай, мальчик, забудь мой номер и найди себе хо-

рошую примерную девочку. Советую поискать в библиотеке – там их много, – со смехом ответила я на его страстное обвинение.

– Ты не можешь просто так забыть меня! – Курт вцепился пальцами в мое предплечье. – Я не могу думать ни о ком, ни о чем, кроме тебя!

– Как романтично! Но, мальчик, ты так глуп, – ласковым тоном сказала я, все еще позволяя ему прикасаться ко мне.

– Перестань называть меня мальчиком!

Прохожие с упоением пялились на эту сцену ревности и улыбались.

Курт был вне себя от бешенства. А я, хоть и наслаждалась этой маленькой игрой, но все же немного устала от его голоса и манер.

– Если я увижу тебя здесь еще раз, мальчик, тебе несдобровать, договорились? – настойчиво сказала я, желая наконец-то избавиться от него. – Я вызову полицию и через суд добьюсь для тебя официального запрета подходить ко мне даже на милю.

Кстати, такой неудачник уже существует. Вуди. Диджей в самом большом ночном клубе Торонто. Он преследовал меня два месяца, но я успешно и легко выиграла дело в суде, и влюбленный идиот вынужден был уехать из города. Да еще и с подмоченной репутацией.

– Не веди себя, как шлюха! – вдруг громко крикнул Курт. Эта фраза заставила меня весело рассмеяться. Ну вот! В

который раз!

– Мисс Мрочек? – Из-за массивной деревянной двери-входа в пентхаус вышел Фред.

Фред – мой извечный спаситель. Швейцар. Двухметровый детина, привыкший отгонять от меня назойливых поклонников. Он привык к таким сценам и к тому, что я, довольно часто, появляюсь дома с очередным мужчиной, который исчезает на следующее же утро. Подозреваю, что он влюблен в меня.

– Фред! Ты вовремя, дружочек! – радостно воскликнула я.

– Я вижу, вам нужна моя помощь, мисс Мрочек? – спросил басом Фред, спускаясь по ступенькам ко мне и неудачнику Курту.

– Как видишь. Этот нахал не дает мне зайти в дом! – вздохнув, ответила я.

Фред не стал мешкать.

– Ты просто шлюха! И это должны знать все! Эта блондинка – грязная шлюха! – завопил Курт, когда Фред схватил его за шкуру, легко поднял над землей и встряхнул, как нашкодившего щенка.

– Заткнись и проваливай отсюда! – прогремывал Фред, вернув Курта на землю и дав ему весьма звонкий пинок под зад.

– Па-па, мальчик! Спасибо, дружочек Фред! – Я дерзко улыбнулась моему спасителю и, легко преодолев лестницу на моих десяти сантиметровых каблуках от Джимми Чу, вошла

в пентхаус.

Я люблю быть стервой. Стильной, умной, великолепной, блистательной стервой. Всегда на грани элегантности и наготы. Мария Мрочек – модный фотограф. Соблазнительная и опасная.

И глубоко несчастная.

Но никто и никогда не узнает об этом, ибо я издаю лишь сияние. Ослепляю.

Глава 2

– Конечно, о чем речь? Не каждый день племяннику исполняется три года. Да, да, увижу тебя там, Миша. Нет, у меня все волшебно. Через неделю еду в Осло. У меня съемки, какая-то норвежская актриса. Черт ее знает, я с ней не знакома. – Я пригубила бокал крови, так как в этот момент Миша говорила о том, что она и Фредрик тоже приедут на День рождения нашего племянника Седрика Моргана. – Вы остановитесь у Маришки? А что дядя Седрик? Хм, можно было этого ожидать. Наконец-то выберется из своей ракушки. Что ж, маленькому Седрику повезло иметь такую толпу родственников... Да, да, и каждый будет таскать его на ручках, это же такое счастье. Мартин? Мсцислав? Будут? Замечательно.

Седрик Морган – мой племянник. Единственный сын моей младшей сестры Маришки и ее мужа Маркуса. И этот ма-

льш окружен толпой родственников: двумя тетками и двумя дядьками со стороны матери, а со стороны отца у него имелся дядя Седрик, благодаря которому малыш Седрик получил свое имя. Морганы старшие три года назад переехали в Санкт-Петербург. Я знаю о том, что в семье Морганов произошла неприятная история, и что Седрик-старший предпочитает жить вдали от семьи и сейчас обитает в Норвегии, где-то у черта на рогах. Но, что именно стало причиной разлада, мне неизвестно. Хотя, думаю, он просто устал. Седрик всегда был странным – он не любит вечеринки, больших собраний, собраний вообще. Каждый раз, когда я видела его среди других вампиров, его лицо выражало полнейшее недоумение, словно он абсолютно не понимал, как попал сюда и зачем. В последний раз я видела его на свадьбе Маришки. Признаюсь, он был настолько привлекателен в своем строгом костюме, что у меня даже мелькнула мысль закрутить с ним роман. Этого не произошло.

Но тот день навсегда изменил мою жизнь.

Фредрик Харальдсон. Мой бывший любовник, и уже как восемь лет муж моей младшей сестры Миши. Она вышла за него в девятнадцать лет. В девятнадцать! Когда я узнала о том, что они поженились, у меня даже пропал дар речи, на целую минуту. А может, это даже прекрасно, что они связали себя узами брака так рано. Фредрик именно тот, кто сможет держать мою вспыльчивую сестренку в узде. И они любят друг друга. Счастливцы. Несмотря на то, что когда-то я и

Фредрик были любовниками, у нас довольно сносные отношения. Сносные – потому что он чересчур спокойный. Холодный. Он говорил, что я вульгарна. К счастью, я не влюбилась в него, а он не влюбился в меня – мы были бы ужасной парой. Я никогда не смогла бы настолько потеряться в другом вампире, чтобы забыть о себе и своих желаниях. Но в последний раз я видела обоих, когда Фредрик заставил меня полететь с ним в Варшаву, чтобы рассказать Мише и нашим родителям правду о том, что не он стал точкой отсчета моей сексуальной жизни. Влюбленные помирились, и я улетела на следующий же день. Сейчас они живут в Стокгольме.

Значит, на Дне рождения Седрика соберутся обе семьи. Нет, три, ведь Миша теперь в клане Харальдсонов. Мы будем праздновать это грандиозное событие в тесном семейном кругу. Так и представляю, как мы сидим в огромной, но довольно уютной гостиной Морганов, пьем кровь, общаемся, как воспитанные культурные персоны, и умиляемся, наблюдая за тем, как малыш Седрик бегает от стены к стене, а затем все по очереди тискают и целуют его в щечки. Скуотища.

Все Мрочеки одинаковы. Все считают, что культура – выше всего. Честь и достоинство. Родители не знают о том, что я сплю со смертными... Что ж, если правда выплывет наружу, они будут оскорблены и удивятся тому, что их милая доченька Мария пала так низко. Сношаться со смертными! Позор!

Плевать! Никто не смеет указывать мне, как жить! Кажется, родители никак не привыкнут к тому, что все их дети, включая Мишу, покинули родной дом и живут так, как им заблагорассудится. Казалось бы: наслаждайтесь жизнью! Свою миссию родить и воспитать пятерых отпрысков вы выполнили на отлично! Но нет. Звонят каждую неделю, интересуются моими делами, приглашают в гости. Приятно, с одной стороны, но каждый раз я чувствую себя под стеклянным колпаком, незаметным надзором родительского ока, а я совершенно не желаю делиться с ними тайнами моей жизни.

Вечером того же дня, приняв восхитительную ванную с ванильной пеной, я села за работу: два дня назад я была главным фотографом на фотосессии жены канадского миллионера, которая, разрисованная как кукла Барби, принимала неуклюжие асексуальные позы и считала себя королевой. Клиент всегда прав? Нет, это правило слабаков. Мое правило позволяет мне делать отбор, хочу ли я тратить свое время на того или иного смертного или смертную. Если у них есть потенциал – моя камера готова снимать с утра до ночи, а потом я, неделями, отрываясь от ноутбука лишь для охоты, могу обрабатывать получившиеся снимки. А канадская фифа стала объектом моей съемки лишь благодаря моему личному соревнованию с самой собой: смогу ли я пре-

вернуть эту гусыню в лебедя. Увы, даже мой талант не помог этому безуспешному делу, и глупая гусыня превратилась в разукрашенную утку в нарядах от кутюр. Безвкусица и гламур. Однако я всегда честна и выполняю свою работу добросовестно и скрупулезно, поэтому миссис Мой-Муж-Миллионер не на что жаловаться. Через неделю она получила заветную папку, от которой пришла в восторг и почти повизгивала от счастья, как поросенок. Этим же вечером на мой банковский счет поступила кругленькая сумма.

На самом деле, в деньгах я абсолютно не нуждаюсь, и эти несчастные семьсот тысяч – просто капля в море. Но я не трогаю свои миллиарды, спрятанные на счетах в банках, а предпочитаю тратить то, что заработала честным трудом. Мои шикарные апартаменты в культурном и финансовом центре Торонто требуют приличных ежемесячных вложений в виде пятизначных сумм, ведь Шангри-Ла – пентхаус, в котором я живу уже почти пять лет, на самом деле – пятизвездочный отель. До этого я жила в другом районе, но, так как моя внешность больше не подходила к цифре в моем очередном паспорте, мне пришлось переехать и купить новый паспорт, с более радужной для людского восприятия цифрой. Но я люблю Торонто – город, в котором я чувствую себя свободно. Много людей, свежей крови, развлечений и возможностей. И так далеко от моих благочестивых родителей. Жаль, что так далеко от Миши, но это – единственный минус моего проживания на другом континенте. Вампиров

здесь немного, и это – тоже плюс.

Мне двадцать пять лет. Так гласит мой канадский паспорт. В реальности же мне двести... Хм, двести с чем-то. Не люблю оглашать свой возраст и не считаю года. Я вечно молодая и прекрасна. Время не имеет надо мной власти. Только солнце может выдать меня, поэтому я стараюсь не появляться на улице днем. Мое время – вечер и ночь. О, тогда я упиваюсь жизнью и своей красотой. Два столетия не изменили мои вкусы: я всегда любила быть в центре внимания, веселья и сладострастия. Девочка-праздник – это я. По этой причине мои кровные родственники, включая родных братьев и сестер, казались мне скучными, почти праведниками: они не спят со смертными, не убивают ради забавы и держатся в тени. Только мой старший брат Мартин несколько похож на меня, но и он никогда не «опускался до секса со смертными». Мартин понимает меня. Два года назад я призналась ему в том, что сплю со смертными, и мой брат принял это. Просто сказал: «Это твоя жизнь, Мария. Ты взрослая вампирша». И все же, я попросила его не раскрывать мой секрет, и до сих пор ни родители, ни Мсцислав, ни Маришка, ни Миша не осведомлены о моих похождениях. Особенно Маришка: с ней меня связывают наихудшие отношения. Я старше ее всего на тринадцать лет, но мы никогда не понимали друг друга. Она – мисс сама невинность и порядочность. Даже удивительно, как это она вышла за Маркуса Моргана, который любит поохотиться на смертных в поместье своего

друга Брэндона Грейсона. Маришка... Черт, я даже не жалею о том, что мы почти не общаемся. Но племянника я люблю. Почти так же, как младшую сестренку Мишу.

Миша – моя отрада. Я желала бы быть с ней с самого ее рождения, но мои собственные дела и планы слишком отвлекали меня, поэтому, в первый раз я увидела Мишу, когда ей исполнилось десять лет. Она была такой прелестной девчушкой! Но через пару месяцев мне пришлось уехать. Из-за Маришки. Она вечно читала мне нотации о том, что я могу плохо повлиять на еще не сформировавшийся характер маленькой Миши. Помню, с какой болезненной улыбкой я покидала дом. Я простила Маришку. Но не забыла о том, как глубоко она оскорбила меня, выгнав из родительского дома, прогнав от Миши, которую я люблю больше всех братьев и сестер вместе взятых. К счастью, теперь она в хороших заботливых руках Фредрика. Вскоре я встречу их.

Встречу всех. В первый раз за последние девять лет. Но первый пункт назначения – Осло. Съёмки. Развлечения.

Нехорошая, непорядочная Мария. А впрочем, быть нехорошей – кажется, мое призвание. Разбивать сердца и судьбы смертных. Великолепие.

Мой самолет приземлился в Гардэрмуэне – большом международном аэропорту Осло в девять сорок пять вечера. Я

прекрасно рассчитала время с пересадками, чтобы прилететь в разгар наступления темноты.

Сентябрьский Осло приятно поразил меня своей неповторимой и немного странной красотой, толпами туристов и восторгом, с которым пялились на меня все мужчины в аэропорту и на улицах города. И все же, огромное количество попрошаек, цыган и поддельных нищих, выпрашивающих кроны на улицах, вызвало у меня отвращение. Они везде, повсюду: напористые и вечно позвякивающие мелочью, находящейся у них в бумажных стаканах из-под кофе. Они знают, к кому подходить: вычисляют стоимость наряда жертвы безошибочно. В тот вечер на мне были узкие голубые джинсы, белая облегающая блуза и мои любимые туфли на восьми сантиметровом каблуке, все от кутюр.

Едва моя нога ступила на Карл Йюханс Гатэ – главную, широкую улицу Осло, тянущуюся от Центральной станции до Королевского дворца, окруженную дорогими бутиками и кафе, я тут же стала объектом пристального внимания всех и каждого. Моя красота привлекала смертных, а мой наряд – попрошаек. Особенно наглыми были цыганки, расхаживающие в длинных юбках и кроссовках ADIDAS: одни совали мне под нос фотографии детей, вторые пытались всучить мне в руки какой-то журнал, за который потом потребовали бы деньги, третьи просто говорили «Извините» и звенели перед моим лицом своими картонными стаканами с мелочью.

В тот момент я всерьез пожалела о том, что отказалась от

автомобиля заказчика, который довез бы меня напрямиком в отель. И ради чего? Я предвкушала прекрасную прогулку, но вместо этого получила лишь давление на жалость, давку и отвращение. Быстро поймав такси, я юркнула внутрь, подождала, пока водитель уложит в багажник мой дорожный чемодан с аппаратурой, и вскоре мы направились в отель, где для меня был снят люкс за счет заказчика.

Через час я встретила с заказчиком и узнала, что буду снимать восходящую молодую звездочку, снимавшуюся в молодежных норвежских сериалах. Она присутствовала на этой встрече, и, должна сказать, произвела на меня хорошее впечатление. А главное – она была фотогенична, что, несомненно, обрадовало меня. Заказчик съемки – богатый бойфренд молодой актрисы, не отводил от меня восхищенного взгляда, а его протеже – ревнивого. Но он был не в моем вкусе, поэтому, обговорив детали съемки и гонорар, я поехала в отель. Переодевшись в сексуальное серебристое платье, я вызвала такси и провела ночь в клубе. Приехав в отель в пять утра, натанцевавшаяся и довольная, я не выходила из номера до наступления темноты. Парень, которого я притащила с собой, был вытолкан за дверь. Я даже не знала его имя – просто пригласила его в свой номер, и он, как верный пес, последовал за мной.

В десять вечера прошли съемки. Успешно. И фотограф, и модель знали свое дело.

В четыре утра я улетела в Прагу, успев купить большую

квартиру на Акер Бриге – одном из самых популярных и дорогих районов города.

А почему бы и нет?

Глава 3

Помню, как проходили Дни моего рождения, когда я была ребенком: каждый год я видела одни и те же лица, нестареющие, красивые, идеальные. Лица моих уже взрослых братьев, родителей, кузенов и кузин, и всех прочих, кто имел хоть какое-то отношение к клану Мрочеков. И так до тех пор, пока мне не исполнилось пятнадцать: тогда я настоятельно попросила не устраивать этих скучных собраний. Когда мне исполнилось тридцать пять, и солнце выдало мои первые морщины, я запретила родным даже упоминать о том, что я становлюсь все старше. Но, какое облегчение! Вампирская оболочка никогда не стареет и не гаснет, а всегда остается ослепительной.

Мои родители до сих пор считаются рекордсменами в нашем обществе по количеству рожденных в браке детей. Обыкновенно, в вампирских семьях не появляется больше двух детей. Например, как у Морганов. Грегори Морган – вообще единственный. Да, и Фредрик, конечно. Мои же родители постарались на славу: родили и вырастили пятерых детей! Двоих сыновей и трех дочерей. Теперь же, благодаря Маришке, мы породнились с кланом Морганом, и у ро-

дителей появился новый птенчик, греющий их сердца – долгожданный внук. Я была осведомлена о том, что наша мать эгоистично надеялась удерживать Мишу дома, но умная девочка показала характер и упорхнула в чужое гнездо. Уже не Мрочек. Миша Харальдсон. Звучит.

С некоторых пор родители стали намекать моему старшему брату Мартину на то, что «пора бы тебе стать серьезным и подумать о личной жизни». К счастью, Мартин всегда был богат на отговорки и заявил, что «судьба найдет его и без его вмешательства». Люблю его юмор.

Судьба вампира всегда находит нас сама. Даже если мы отчаянно надеемся не подпускать ее к себе даже на милю. Она может быть благословением. О, тогда вампир счастлив на веки вечные, ведь он любит того, кто любит его. Взаимность. Но во многих случаях судьба просто насмехается, кидает в сердце бессмертную пиявку, которая сосет нашу кровь так же, как мы выпиваем ее из вен человека. Любовь – отвратительная вещь. Мы можем сопротивляться ей, можем пытаться забыть о ней, стараться утонуть в океане развлечений, но в разуме сидит вечный образ. Как опухоль в человеческом несовершенном мозгу. И она растет, разрастается с каждым прожитым днем, наполняя душу сожалением и горечью. Страданиями.

Я должна сопротивляться. Я не желаю быть рабыней. Ничьей.

– Мартин! Надо же, не ожидала! – радостно воскликнула я, увидев брата, ожидающего меня прямо при выходе из терминала пражского аэропорта.

Мартин стоял, облокотившись о стойку почему-то закрытой кассы, и с улыбкой смотрел на меня. А я с улыбкой шагала к нему. Вскоре мы обнялись, поцеловались, он забрал у меня мой большой чемодан на колесиках, в котором я привезла свою лучшую камеру и подарки для племянника и Миши, мы сели в автомобиль и направились напрямик в замок Морганов. Для всех остальных, кроме Маришки, конечно, мое появление в кругу клана – уже подарок. А может, и эта праведница успела соскучиться по мне? За восемь лет. Не помню, по какой причине, но первые два Дня рождения Седрика я пропустила. Возможно по причине предвкушения скуки.

– Где ты остановился? – спросила я, когда мы коротко поделились друг с другом последними новостями из своей жизни. Коротко, ведь мы регулярно созванивались по скайпу, раз или два в месяц, заменяя слово «кровь» на «вино», и «убил» на «познакомился». Поэтому, когда Мартин говорил: «Вчера я познакомился с одним ирландским бизнесменом и пил с ним замечательное ирландское вино», я понимала, что вчера он убил какого-то ирландца и выпил его кровь. Как занятно было шифровать наши разговоры об охоте!

В последний раз я разговаривала с Мартином до съемок в Осло, и мне не пришлось долго выслушивать о том, как он успел развлечься за те шесть дней. Но я поделилась с ним своим коротким путешествием в Осло, подчеркнув, что, несмотря на обилие цыган и попрошаек, я влюбилась в этот город и купила там квартиру. Если хочет, может пользоваться ею, когда пожелает. Мартин ухмыльнулся и сказал, что подумает над моим предложением.

– Как и все. У Маришки и Маркуса, – ответил он на мой вопрос. – Миша и Фредрик тоже в замке. А впрочем, все в сборе, ждут только тебя.

– Как приятно, – с легким сарказмом протянула я, представляя, как придется обнимать всех подряд. – А родители?

– Прилетели еще вчера.

– Не удивлена.

– Брэндон тоже в замке.

Из моей груди тут же вырвался вздох удивления.

– Брэндон? – переспросила я, насмешливо приподняв брови. – С каких это пор он успел стать Мрочеком?

– Он – лучший друг Маркуса, – пожал плечами Мартин.

– Да, и при этом он отказался быть крестным отцом Седрика! – напомнила ему я.

Маришка настояла, чтобы ее сына крестили в католической церкви. Крестной матерью избрали, конечно же, Мишу (мое имя даже не было упомянуто в обсуждении), а крестным отцом должен был стать Брэндон. Но тот отказался, ска-

зав, что образ жизни, который он ведет, делает его недостойным такого почетного звания.

Недостойный образ жизни. Он спит со смертными женщинами. Значит, по его умозаключению, недостойна и я. Узколобый мерзавец.

– У него была причина, и, честно говоря, я согласен с его решением не быть крестным Седрика, – сказал Мартин.

– Ну да, им стал его вечно замкнутый и серьезный дядя Седрик! – хихикнула я.

Но мысль о том, что Брэндон Грейсон сейчас находится там, в замке, что я увижу его, наполнила меня нервным от-
решением.

Свадьба Маришки. Гости. Веселье. Брэндон.

– Ты в порядке? – вдруг услышала я голос Мартина, заставивший меня вернуться в реальность.

Я моргнула, прогоняя причиняющие мне боль воспоминания.

– Я всегда в порядке, Мартин, – спокойно ответила я, прекрасно скрывая бурю, что разрывала теперь мою грудь. – Просто задумалась. Так что Брэндон? Все так же холостяк?

– Он влюбился, но предпочитает быть один. Жаль, что он больше не устраивает охоту в его поместье. Черт, было весело...

– Подожди! Стоп! Брэндон влюбился? – Эта новость ошарашила меня.

Кто бы подумал! Он влюбился! Кажется, земля сотряслась

от этой новости.

Брэндон. Этот ужасный вампир. Я думала, в нем нет места для любви. В нем живет только жестокость и похоть.

– Удивительно, правда? – Мартин коротко рассмеялся. – Когда Фредрик сказал мне об этом, я не поверил. Но Маркус подтвердил. Ты знаешь Брэндона – он считает это чувство слабостью и предпочитает не обсуждать эту тему. Ни с кем. Даже с Маркусом.

– Да, это понятно, но кто она? – Я должна была узнать ее имя. Должна!

Но я точно знала, что это – не я.

– А вот это – большая тайна. Никто не знает, кто эта завоевательница. Он ни разу не произнес ее имя.

– Не может быть, чтобы никто не знал, кто она! Я уверена, что Маркус прекрасно осведомлен об этом! – с сарказмом сказала я.

Я была раздражена: такая новость, но никто не может рассказать о том, что за женщина пленила Брэндона! Какая из вампирш? Их сотни! Кто из них теперь обладает сердцем этого мерзавца? Да и хочет ли она им обладать, этим черным грязным сердцем?

– Ошибаешься, Маркус не знает, это точно. Единственное, что нам известно – дама не отвечает ему взаимностью, – серьезным тоном сказал Мартин.

Смысл этой фразы дошел до меня лишь через несколько секунд. Затем я откинула голову назад и громко рассмеялась.

Смех разрывал мое горло.

Какая ирония. Он любит ее, а она его – нет! Как смешно! Смешно! В его сердце живет пиявка! О, как он наказан за свою любовь к жестоким играм! За свой «недостойный» образ жизни! Какой кошмар для него познать это всепоглощающее чувство и не иметь возможности на взаимность! Он заслужил. Заслужил!

– И давно? – вновь спросила я Мартина, когда волна смеха во мне улеглась.

– Этого тоже никто не знает. Но он прекратил свои игры в поместье восемь лет назад. Думаю, это можно считать точкой отсчета, – ответил Мартин.

– Точкой отсчета... – тихо сказала я. – Кто бы подумал.

И мы замолчали. Я не могла больше разговаривать. Моя планета остановила свое движение и распалась на куски. Мой мозг застыл.

– Может, он влюбился в Маришку и поэтому молчит? – вдруг вырвалось у меня.

– Нет. Маркус спрашивал его, и тот ответил, что она – не из клана Мрочек. Это все, – бросил на это мой брат.

Я вновь рассмеялась.

– Какое облегченье, черт подери! – Мои губы растянулись в язвительной улыбке.

– К счастью, да. Не хотел бы, чтобы объектом его воздыхания была одна из моих сестер. Он неплохой вампир, но он не способен на чувства. Мне так кажется, – серьезным то-

ном, тихо сказал Мартин.

– К счастью, – тихо повторила я.

Небо было затянуто густыми волнообразными тучами. Мы подъехали к огромному замку Морганов, и я в который раз удивилась тому, почему они все еще обитают в этом каменном склепе. Согласна, этот старинный замок красив и величественен, он окутывает сознание смотрящего на него какой-то необъяснимой мрачной тайной. Хотя, смертные в праве так думать: в этом мрачном замке обитают убийцы. Вампиры.

Я любила технологии. Новый дизайн, открытия, Новую эру. Все, что делает жизнь легче и интересней. Например, моя мощная, совершенная камера, с которой я не расстаюсь на съемках. Я всегда интересовалась искусством фотографии, но даже пятьдесят лет назад, так ничтожно мало, не могла найти ни одной приличной камеры, что разочаровало меня и оттолкнуло от желания заниматься фотографией. Тогда я предпочла просто веселиться. Но когда появилась первая цифровая камера, я взялась за свою мечту и начала карьеру фотографа. Но стать известной личностью, известным фотографом было нелегко, ведь талант к фотографии есть даже у простейших. У смертных. Поэтому я начинала как помощник смертного, но известного фотографа Дэвида

Мойса – одного из самых талантливых фотографов последних тридцати лет. Что сказать, я была девочкой на побегушках, но потом этот старый дурак влюбился в меня, и я стала его музой. Он хотел снимать меня как модель, но я твердо отказалась: мне претит даже сама мысль об этом. Позировать. Улыбаться на камеру. Быть кем-то, кем я не являюсь. И я ушла от Дэвида, с которым меня не связывало ничего, кроме работы, и открыла небольшую фотостудию, в которой снимала юных моделей, желающих заполучить недорогое, но качественное портфолио. Так начался мой путь от помощника фотографа до известного модного фотографа, к которому клиенты записываются на месяцы вперед. При этом у меня нет помощников. Я работаю одна – только я знаю, что нужно сделать для той или иной фотографии, как воплотить идеи, как обработать, как поставить свет. У меня нет команды, которая путается под ногами. И в этом моя особенность. Я даже сама делаю макияж и одеваю моделей. Если, конечно, это – не заказ очередного богача, желающего «сделать подарок» своей протеже – в этом случае, они одеваются и красятся, как хотят. Хоть, как мартышки. Плевать.

Но замок Морганов стал бы прекрасным местом для фотосессии. Так и вижу: хрупкая модель в почти прозрачном платье выглядит призраком на фоне этой мрачной готики. Стоит ли спросить разрешения Маркуса? Но кто будет моделью?

Миша. Да, стоит попробовать. Она так красива и нежна...

Нет. Это может скомпрометировать ее в будущем... Может, та японская модель-альбинос, которую я снимала год назад? Она отлично впишется в эту...

– Мария!

Этот громкий возглас заставил меня отвлечься от того, что я уже видела в воображении, а я не люблю, когда меня прерывают во время создания воображаемой картины.

Но это была моя младшая сестра Миша. Ей я позволяю все. Она бежала ко мне по вымощенной дорожке, обутая в белые кеды.

Я счастливо улыбнулась.

Миша. Как обычно резва и энергична. Юбка ее короткого белого платья развивалась, а ее длинные золотистые, как у меня, волосы красиво танцевали на ветру. Она прекрасна, моя маленькая сестренка. Она намного лучше меня. И я не желаю, чтобы она узнала о том, что я сплю со смертными. Упасть в ее глазах – самое невыносимое, что может случиться со мной.

Миша подбежала ко мне, и мы сжали друг друга в долгом объятии.

– Мария! Я так рада! Ты, наконец-то, приехала! Почему ты ни разу не приезжала? – радостно протараторила Миша, отстраняясь от меня и хватая меня за руки.

– Вопрос в том, почему ты сама ни разу не приезжала ко мне в Торонто! – со смехом ответила я, сжав ее ладони в своих. – Ох, дружочек, как же я скучала по тебе!

– Так скучала, что даже не соизволила приехать на мое двадцатипятилетие? – обиженным тоном сказала Миша. – Были все! Все, кроме тебя! Это нечестно с твоей стороны!

– Ну, прости, прости, каюсь. – Я вновь обняла ее, а она с жаром ответила на мои объятия. – Ты такая красивая, Миша, даже не верится, что тебе уже не девятнадцать... Ведь тебе было девятнадцать, когда мы виделись в последний раз?

– Да, но совсем скоро мне будет двадцать семь лет! И ты должна поклясться, что будешь приезжать на каждый мой День рождения!

– Хорошо, клянусь, только не обижайся.

Миша счастливо рассмеялась, схватила меня за руку и повела за собой к широким ступенькам, ведущим к главному входу в замок. Она почти бежала, а я старалась не отставать от нее на своих высоких каблуках. Я обернулась, чтобы посмотреть, что делает Мартин: он доставал мой чемодан из багажника своего автомобиля.

– Нет, Мартин, положи обратно, я остановлюсь в отеле, – сказала я ему.

– Что? – Миша вдруг резко остановилась, и я врезалась в нее. – Почему в отеле?

– Потому что мои отношения с родителями и Маришкой не такие радужные, как твои, – объяснила я. Солгала. Родители и Маришка не имеют никакого отношения к моему желанию уединиться в отеле. Пусть они и слышали сейчас мою ложь, но я просто не могла находиться здесь. Не могла.

– Но это всего лишь...

– Нет, Миша, и не настаивай.

Мой резкий тон смутил ее. И я тут же пожалела об этом. Миша – очень легкая мишень, хрупкая. Она всегда принимает все на свой счет.

– Прости. Пожалуйста, не настаивай, хорошо? – ласковым тоном попросила ее я. – У меня есть на это причины.

– Просто я думала... Я так давно не видела тебя... Ведь ты так скоро уедешь! – пробормотала Миша, опустив взгляд на дорожку.

– Да, я вылетаю обратно завтра утром, – тихо подтвердила я. – Но я обязательно прилечу на твой День рождения, обязательно!

– Ну да. Через два с половиной месяца! – обиженно буркнула Миша.

– Два месяца – это ничто, ты же знаешь.

– Тогда ты должна пообещать, что прилетишь минимум на неделю!

– Обещаю, маленькая вымогательница.

Миша широко улыбнулась.

– Но как твои дела? – Я поспешила перевести разговор на другую тему.

– У нас все волшебно! Мы перебрались в Стокгольм.

– Это я знаю, Мартин сказал мне. Что еще?

– Пока ничего интересного. Правда.

– А что твой муж?

– О! Фредрик получил приглашение от королевского оркестра Швеции играть на никельхарпе! – Глаза Миши засияли от гордости.

Я помню его игру на этом странном инструменте. Он виртуоз, не поспоришь. Но я отлично знала Фредрика.

– И он отказался, – утвердительно сказала я.

– Да... Но это было бы здорово... Знаешь, мы даже немного поругались на этот счет... – Миша поморщилась.

Я знаю, как она любит Фредрика, и что каждая размолвка для нее – как гром среди ясного неба.

– ... но потом помирились. Просто я так хочу, чтобы его талант не пропал зря!

– Думаю, он так не считает! – со смехом отозвалась я.

– Нет, конечно... Кстати, ты знаешь, кто будет праздновать с нами? – вдруг спросила Миша.

– Мартин сказал мне. Брэндон? – мрачно ответила я.

– Нет... Брэндон уехал буквально пять минут назад...

– Да? – перебила я сестру. – Прости. Почему?

– Маришка сказала, что Седрик и Брэндон не переносят друг друга, – печальным тоном пояснила Миша. – И, когда Седрик увидел Брэндона, у него вдруг появились очень срочные дела. В итоге Брэндон вручил малышу Седрику подарки и уехал. А Седрик вдруг сказал, что его важные дела можно решить завтра. Вот.

Мир снова обрел краски. Он уехал. Я не увижу его. Не буду вынуждена улыбаться ему и говорить фальшивые фразы.

Какое облегчение. Он уехал.

Но оставаться у Морганов на всю ночь я не буду. В двенадцать покину вечеринку, а в восемь ноль шесть лечу в Торонто.

– И что за причина их обоюдной неприязни? – поинтересовалась я.

Седрик и Брэндон не переносят друг друга. Это очевидно. С каких пор? Насколько я помню, на свадьбе Маришки эти двое даже перекинулись парой слов и совершенно не вели себя так обособленно, как сейчас.

– Не знаю, но Маркус сказал, что они всегда не ладили... Ладно, пойдем! Ты же еще ни разу не видела Седрика? Только на фотографиях? – Миша вновь схватила меня за руку, и мы почти побежали к входным дверям.

Сушная правда. Я ни разу не видела племянника. Но Миша присылала мне его фотографии каждый месяц, поэтому в памяти моего ноутбука было около тысячи фотографий с Седриком: Седрик пьет кровь из бутылочки, Седрик играет с волосами тети Миши, Седрик сидит на руках у отца и строит гримасу, Седрик бегает по двору, Седрик... Кажется, нет такого рода деятельности, которой не делал бы Седрик на фотографиях. Но все эти фото я получала от Миши. И ни одной – от Маришки. Плевать. Меня это не трогало.

Мы торопливо поднялись по широкой каменной лестнице в огромный главный зал замка, и на меня тут же обрушились объятия Мсцислава – второго моего старшего брата.

Миша упорхнула к своему мужу.

– Ах, вот ты где! И не соскучилась, видно, за девять лет! – со смехом сказал мой брат.

– Соскучилась, хотя, правда, и скучать было некогда! – весело отозвалась я и окинула его оценивающим взглядом. – Черт, я и забыла, какой ты красавчик! Но эта бабочка тебе не к лицу, сними ее немедленно!

– Это подарок мамы на мой последний День рождения. Если я сниму ее, она будет опечалена, и сердце ее разорвется, – театрально шепнул мне Мсцислав.

– Если тебе не нравится эта бабочка, дорогой, просто сними ее. Не обязательно носить ее только для того, чтобы порадовать меня, – тут же послышался шутливый голос нашей матери.

Я бросила взгляд на присутствующих: мама стояла рядом с Маришкой недалеко от нас. Она поймала мой взгляд и тепло улыбнулась мне.

Маришка же лишь приподняла брови, словно говоря: «Явилась-таки!».

– Ох, спасибо, мам, но я, правда, не ношу бабочки, – облегченно вздохнул Мсцислав и тут же стянул со своей шеи дурацкую черную бабочку. – В следующий раз подари мне шарф, и я буду чрезвычайно доволен.

– Нет уж, шарф купишь себе сам, а я дарю только бабочки! – парировала мама на эту остроту.

Мы непринужденно рассмеялись.

Как хорошо, что даже у моих родителей иногда проявляется чувство юмора.

– Мама, ты и так выглядишь как наша ровесница, куда ты еще хорошеешь? – сказала я, подходя к ней.

Моя мать была прекрасна. И Маришка была ее копией. Как и Мартин.

Я, Миша и Мсцислав были похожи на отца.

– Это не моя вина, дорогая. Моя красавица дочь. Еще одна. Как же я люблю вас, мои девочки. – Мама порывисто обняла меня, и я сжала ее в ответном объятии.

Теперь, когда я знала, что она не порицает меня за то, что я сплю с мужчинами (вампирами, естественно), я чувствовала к ней уважение. Но моя мать не знала, что помимо вампиров я сплю еще и со смертными. О, она будет разбита этой новостью. Но она никогда не узнает об этом. Я прекрасно храню свои секреты.

– Привет, Маришка, я тоже рада тебя видеть, – с сарказмом сказала я сестре, которая так и стояла, сложив ладони на животе и просто смотря на меня.

– Привет. Честно говоря, мы ждали тебя еще на первый День рождения Седрика, но, видимо, племянник не так важен для тебя, как твоя карьера. Кстати, поздравляю тебя, ты ведь теперь знаменитость, – спокойным тоном ответила мне Маришка.

Чертова язва. Умеет зацепить за живое.

Я хотела, было, ответить ей цепкой остротой насчет ее

прекрасной манеры встречать долгожданных гостей, но усталый взгляд мамы, знающей, что между мной и Маришкой нет ничего, кроме неприязни, остановил меня от этой затеи. Поэтому я натянуто улыбнулась.

– Замечательное платье. Ты, как всегда, очень элегантна, – сказала я сестре.

Маришка удивленно приподняла брови, явно не ожидая от меня этого комплимента. Ведь, когда мы имели честь сказать друг другу пару слов, мы привыкли упражняться в метании стрел сарказма.

– Спасибо. Твое платье тоже восхитительно, – ровным тоном сказала она.

Но я знала, что это ложь. На самом деле, Маришка была абсолютно противоположного мнения. О, да, это она вечно повторяла мне, что у меня откровенно дешевый вкус в одежде. Поэтому мое короткое серебристое платье, на фоне ее элегантного темно-синего, выглядело непростительно ярким и чересчур коротким. А мои десятисантиметровые каблук заставляли Маришку поднимать подбородок, чтобы смотреть в мое лицо. Ведь она носила только средний каблук. Элегантная импозантная миссис Морган.

– Я рада, что тебе нравится. Ведь ты не зря считаешься самой элегантной дамой нашего маленького общества. – Я хотела сказать это спокойным тоном, но все же, в нем проскользнула нотка насмешки.

Губы Маришки тут же сжались в тонкую линию, но через

секунду она раскрыла рот, готовая дать мне достойный отпор, как вдруг между мной и ней возникла Миша. Она схватила нас за руки и потащила за собой.

– Вы должны это видеть! Пойдем! Мама, ты тоже! – радостно воскликнула Миша, и мы послушно пошли за ней. Кажется, Маришка даже забыла, что хотела в очередной раз оскорбить меня.

И почему Миша, эта девочка, любит Маришку больше, чем меня? В чем причина? Почему ее сердцу ближе эта сухая благовоспитанная недотрога?

Этот факт причинял мне душевную боль.

– Вот, смотрите! Седрик такой умничка! – Миша отпустила наши руки, и перед нами открылась весьма интересная картина: Седрик висел на шее, стоящего на коленях Маркуса и безуспешно грыз его шею.

– Такой маленький, а уже знает, как нужно охотиться! – довольным тоном сказал нам Маркус. Он просто сиял от счастья. Я знала, что он без ума от своего сына, поэтому все, что ни делал бы Седрик, было чудесным.

– Я пью твою кровь, жалкий смертный! – пафосно прокричал Седрик.

Эта милая сцена заставила меня рассмеяться: мальчик растет настоящим охотником. Вряд ли он будет таким же чопорным, как его мамаша. Ха, кажется, он намного более Морган, чем Мрочек. И так похож на своего отца: темные волосы, те же черты лица, та же нескрываемая любовь к че-

ловеческой крови. Маришка наплачется с ним. И я рада этому.

Седрик младший был очень милым и забавным ребенком.

– Дорогой, я же говорила, что нехорошо говорить такие слова, – тут же послышался голос Маришки.

– Брось, Маришка, твой сын – вампир, если ты забыла об этом, – вступилась я в защиту маленького Седрика, который тут же оторвался от своего развлечения и посмотрел на меня. Я подмигнула ему. – Привет, малыш. Вижу, ты уже готов к настоящей охоте?

– Миша? – неуверенным детским голосом протянул Седрик.

– Нет, дорогой, это вторая моя сестра и твоя тетя Мария, – объяснила ему Маришка. – Но маме не нравится, когда ты играешь в такие игры, а твой папа, видимо, забыл об этом.

– Ура! Мария! Ты приехала! – вдруг закричал Седрик и тут же бросился ко мне. Я схватила его на руки, а он обвил своими тонкими ручонками мою шею. – А мне уже три года! Я большой мальчик!

– Конечно, Седрик, ты большой мальчик, но тебе рано играть в такие игры, – ласковым тоном сказала Маришка. Но она выглядела так, словно боялась факта, что Седрик вообще заговорил со мной. Слово я могу превратить его в мою точную копию. И я бережно передала Седрика ей в руки. Но как это неприятно. Маришка умеет портить настроение. Мне.

– Но, мамочка! Папа разрешил! – обиженным тоном бурк-

нул Седрик.

– Ну вот, ты поиграл немного, а теперь будь хорошим мальчиком, хорошо? – Маришка поцеловала сына в макушку.

– Хорошо! – Седрик поторопился слезть с рук матери, но вдруг повернулся ко мне. – У тебя такое красивое платье, Мария! Такое блестящее!

– Спасибо, малыш, мне и твоей маме оно тоже нравится, – вновь подмигнула я ему, зная, что Маришка явно недовольна этими словами своего сына.

Хороший ребенок. Будет жаль, если Маришка превратит его в свою копию. Надеюсь, Маркус не допустит этого.

– Мне тоже нравится твое платье, но оно слишком короткое, – вдруг сказала мне Миша.

– Слегка короче твоего, всего на пол-ладони – с иронией ответила на это я. – Что ж, пора бы и папу повидать. Где он?

– В другом зале вместе с Фредриком и родителями Маркуса, – подсказала мне Маришка. – Мне нужно отойти ненадолго. Развлекайтесь.

И она направилась в направлении, куда убежал ее сын.

– Это была ирония, или она на самом деле считает, что на ее вечеринке можно развлечься? – тихо спросила я Мишу и подмигнула ей.

Миша молча улыбнулась и ткнула меня локтем в бок.

Мы зашли во второй большой зал, именуемый в замке Морганов «маленькая гостиная», и, как и сообщила Мариш-

ка, нашли там Фредрика, нашего отца и Морганов-старших. Они что-то обсуждали, вольготно раскинувшись в больших, обтянутых синей тканью, креслах. Но, насколько я помню, когда я была здесь в последний раз, кресла были совсем другими. Черными. Внушительными. Мрачноватыми. Как сам замок. Но я тут же поняла, что стало причиной появления этих новых синих кресел – безупречный вкус Маришки. Безупречный, но скучный. Родители Маркуса окончательно переехали в другое место, уступив трон Маришке, и посмела посягнуть на святое – любимые кресла мистера Моргана.

Первым, на кого я бросила взгляд после обзора кресел, был Фредрик. Я улыбнулась: он все так же холоден и спокоен, каким я всегда знала его. Думаю, Миша и ее темперамент доставляют ему только радость, ведь он так любит решать проблемы. Когда у нас был роман... Неужели уже двенадцать лет назад? Но я помню его так ярко, словно мы порвали друг с другом лишь вчера. Когда Фредрик был со мной, он так и рвался решать все за нас обоих. Но я – не Миша. Я была увлечена ним, но это не была любовь, которая сделала бы меня слепой рабыней. Нет, я не хочу сказать, что моя сестренка – его рабыня. Просто она так влюблена в него, что иногда позволяет ему брать верх над собой и сдаваться в плен его решениям. Например, их переезд в Стокгольм. Миша призналась мне, что этот город несколько пугает ее количеством людей (хотя ей ли их пугаться?) и что она предпочла бы жить в Оксфорде, который она так любит,

несмотря на то, что именно в этом городе у нее был первый неудачный опыт общения со смертными. Но Фредрик «ласково» настоял на переезде в Стокгольм. Первую неделю после их переезда Миша не разговаривала с мужем, но затем забыла свою обиду. Она умеет прощать.

А я – нет. Мое сердце помнит все обиды и все оскорбления, которые были совершены и сказаны в мой адрес. Порой мне кажется, что я бессердечна. Но, увы, сердце у меня все же есть. Но как бы я хотела от него избавиться, чтобы быть свободной от его оков! Ну, вот, в который раз цепочка моих мыслей возвращает меня к этому...

И я поспешила к отцу, чтобы обнять его. Он всегда рад видеть меня. Что бы я ни натворила. Мне нужно было отвлечь мой разум, который предал меня, заодно с моим сердцем.

– А я все ждал, когда же ты наговоришься с мамой и сестрами и обнимешь отца, – шутливым тоном сказал мне отец, сжимая меня в своих уютных родительских объятьях.

– Просто их я повстречала первыми. Ты же не вышел встретить меня? А Миша даже бегом бежала, – так же шутливо ответила я, и, отстранившись от отца, обернулась к Морганам-старшим. – Мистер и миссис Морган! Как вы? И как вам Россия?

– Здравствуй, Мария, рады видеть тебя, – приветливо сказала мне миссис Морган. Она поднялась со своего кресла и протянула мне руку. Я с улыбкой пожала ее. – Нам, правда, нравится жить в России, но порой так тянет домой в Прагу.

Что ж, нельзя порицать миссис Морган за это: она – чешка, и Чехия всегда будет ее домом. К счастью, я – космополит, и Польша, в которой я родилась и провела свои первые годы не вызывала у меня теплых эмоций, и не ассоциировалась у меня с «родным гнездом».

Не знаю, как Фредрик и Миша объяснили всему миру свой брак, после того грандиозного скандала, который вызвал мой короткий роман с нынешним супругом моей младшей сестры. Конечно, в то время он был свободен, холост и даже понятия не имел о том, что Миша вообще существует. Но, на удивление, все вампирское общество приняло решение Миши и Фредрика спокойно. По этой причине Морганы старшие не стали удивляться моему появлению в том же помещении, где находился Фредрик. До меня также дошли слухи, что клан Харальдсонов очень благосклонно отнесся к Мише. Особенно родители Фредрика: они были рады тому, что их «непутевый» сын образумился и больше «не прожигает свою жизнь зря».

– Ну, Прага никуда не денется. Пока стоит, все так же красива, как и всегда, – шутливым тоном заметила я. – Вы, как обычно, великолепны. Вы тоже отлично выглядите, мистер Морган.

– Стараюсь, – скромно отозвался мистер Морган. Он не покинул своего кресла, но тоже протянул мне руку, и мы поприветствовали друг друга крепким рукопожатием. – Кстати, мы видели одну из снятых тобой фотосессий... Кажется,

неделю назад, дорогая? – обратился он к своей супруге.

– Да, да... Мы не покупаем глянцевого журналы, но, когда увидели на обложке твое имя, поспешили приобрести один. И, хочется отметить, что этот журнал – самый популярный в России. Ты преуспеваешь в своем деле, девочка, и мы оба считаем, что ты – очень талантливый фотограф, – тут же отозвалась миссис Морган.

– Спасибо... Мне очень приятно слышать это. – Я вдруг слегка сконфузилась.

Что? Мария Мрочек? Сконфужена? Кажется, в последний раз я испытывала подобную неловкость лет в двадцать. Но похвала Морганов была чем-то возвышенным: какая честь услышать эти слова от них – старомодных вампиров, которые все еще предпочитали замки более удобным новым современным виллам!

– Но все же, прошу тебя, будь осторожна: с каждым годом нам все труднее скрывать свое существование, ты же знаешь. Боюсь, что всемирная слава... – вдруг обеспокоенным тоном начал отец, но я перебила его:

– У меня все под контролем, папа, прошу, не волнуйся. Я знаю, когда нужно остановиться и уйти в тень.

– Да. Я не сомневаюсь в тебе, Мария. Ты – мудрая женщина, почти как твоя мать, – с улыбкой ответил на это отец.

– Предпочитаю считать себя девушкой, папа! – со смешком отозвалась я. – Я слишком молода, чтобы быть «мудрой женщиной»!

Все рассмеялись. Кроме Фредрика, конечно, – он просто улыбнулся, словно подтверждая мои слова. Он знает меня. Может, даже лучше, чем я сама.

– Привет, зять, – бросила ему я, почему-то не желая общаться с ним в данный момент.

Кажется, Фредрик был полон таких же чувств, так как не подал мне даже руки.

– Привет, Мария, – равнодушным тоном ответил он мне. – Как поживаешь?

– Моя жизнь приносит мне только радость, – с иронией ответила я.

Ложь. Отвратительная. Черная.

Моя жизнь была прекрасной. Но все рухнуло за один миг. Однако никто не должен об этом знать. Я сама должна забыть о том, что так мучает меня. Как это сделать?

– Я рад, – коротко ответил на это Фредрик.

Он тоже лжет. Ведь ему все равно, совершенно.

– Но где Седрик? Хочу сказать ему слова приветствия, – торопливо перевела я тему.

– Он в своей комнате. Сказал, что устал от толпы и нуждается в глотке одиночества, – ответила мне миссис Морган. Ее глаза вдруг странно сверкнули, а губы на миг пронзила горькая улыбка.

– Надеюсь, он не против, если я потревожу его, – тихо сказала я, подумав, что виной внезапного преобразования миссис Морган были те самые неизвестные мне разногласия, заста-

вившие Седрика уехать из замка. Но это их семья и их проблемы.

– Думаю, он не против... Седрик сидит там уже три часа. Скажи ему, что мы ждем его, – вдруг сказал мистер Морган. Его брови слегка нахмурились.

– Грегори... – тихо обратилась к нему супруга.

– Все в порядке. Не принимай это близко к сердцу: он никогда не любил быть среди гостей, – так же тихо отозвался мистер Морган.

– Я приведу его. Встретимся чуть позже! – бодрым тоном сообщила я и направилась в другой конец замка, где располагалась комната Седрика.

Громкий стук моих каблуков отражался от высоких каменных потолков, делая его еще громче и насыщенней. Каждый мой шаг был очередной секундой – секундой моей утраченной жизни. Но поведение Морганов-старших заставило меня задуматься: что же все-таки так отдалило Седрика от родителей? Они всегда были очень дружной семьей... Так странно. Бесплезно спрашивать у Маришки – эта ханжа всегда молчит, как рыба. Но я уверена – она знает. Может, она расскажет Мише, а та – мне? Хотя, прошло восемь лет, но эта тайна так и осталась тайной.

Я подошла к массивной деревянной двери, ведущей в комнату Седрика, и, без стука открыла ее.

– Ты никогда не стучишь в чужие двери, – услышала я красивый голос Седрика. Он стоял у окна, спиной ко мне.

Наверно, думал о чем-то, а мой визит нарушил его одиночество. Одиночество, которое он так любит. Странный Седрик.

– Мы родственники, а значит, нам необязательно соблюдать эти церемонии! – весело отозвалась я и окинула взглядом его комнату.

Огромная. Темная. Угрюмая. Как она подходит этому отшельнику. Книжки, камин, аскетическая атмосфера и минимум мебели. На окнах – тяжелые черные шторы, в этот раз распахнутые настежь. Тусклый свет хмурого пражского дня словно обнимал высокую красивую фигуру Седрика. Черные ботинки, черные джинсы. Черный пиджак. Уверена: черная рубашка и черный галстук.

– У тебя траур? – пошутила я, медленно направляясь к Седрику.

– Как ты догадлива, – ответил он, не оборачиваясь.

Его шутка показалась мне несколько не смешной, но я решила продолжить эту игру.

– По кому?

Он промолчал.

Я подошла к нему и с усмешкой взглянула в его лицо.

Седрик словно не замечал меня, продолжал молчать и смотреть в окно.

– Твоя мать очень огорчена твоим отсутствием, – сказала я, не испытывая ни капли неловкости от его холодности в мою сторону.

Он ничего не сказал.

– Седрик, это начинает надоедать! – раздраженным тоном сообщила я и слегка ударила его по плечу.

Кажется, мой жест немного разозлил его, потому что его взгляд, устремленный на меня, выражал именно злость. Хмурые брови, строгое лицо, угрюмость. Он так красив, этот вампир, этот отшельник. И он до сих пор один. Он ни в кого не влюблен. Свободен. Но в то же время, он словно отрезался от всего, что связано с чувствами. Один холод.

– Я не звал тебя, Мария, и развлекать не намерен, – тихим, но просто ледяным тоном сказал Седрик.

Он никогда не испытывал ко мне дружеских чувств. Как и я к нему. Я просто решила немного поиграть, но поняла, что в этот раз натолкнулась на непробиваемую скалу.

– Меня не нужно развлекать. Я всегда сама нахожу для себя развлечения, – сладко улыбнулась я.

– Занимаясь непотребством со смертными?

У меня перехватило дыхание. Откуда он узнал?

– Успокойся. Это твое дело. – Седрик усмехнулся, словно увидел на моем лице отражение ужаса потери моей сокровенной тайны. Да и еще в такой близости от родительских ушей.

– Откуда ты... – прошептала я, отступая от него на шаг.

Теперь я поняла, что играть с ним было провальной затеей. Он словно жалил мою душу своими словами, как оса жалил мягкую человеческую плоть.

– Ты неосторожна. Маркус видел тебя.

– М-Маркус?

От этой новости мне стало жутко.

Мой зять видел меня. Со смертным. Он мог рассказать Маришке. А та, непременно, поспешит поделиться этой «волшебной» для нее новостью с нашими родителями. О, нет. Нет!

– Но он рассказал только мне. Поэтому твоя тайна в полной сохранности, – тихо сказал Седрик, словно утешая меня.

– Да, ты умеешь хранить тайны, как никто другой, – с улыбкой прошептала я. – Но не тебе меня осуждать.

– Ты права. И я не осуждаю тебя. – Седрик отвернул от меня лицо и вновь уставился в окно. И я поняла, что на этом наш разговор окончен.

– Твоя мама расстроена, Седрик. Ты должен пойти со мной. – Я направилась к двери, не удосуживаясь уговаривать его.

– Им не скучно, поверь. – Послышался холодный ответ.

– Как пожелаешь. – Я саркастически усмехнулась и вышла из комнаты.

Шагая обратно в зал, я чувствовала себя ужасно. Ужасно грязной.

Почему Седрик Морган всегда так благороден? Холоден. Всегда так... Чист? Неужели он не делал ничего предосудительного? Ни разу в жизни? Почти за три столетия? Трудно в это поверить, но, кажется, так оно и есть. И поэтому его нравственная чистота смущала меня. Угнетала. Рядом с ним я чувствовала себя покрытой свежей, ужасно пахнущей гря-

зью, что пропитала мою кожу, от которой я никогда не смогу отмыться.

«Что за сопли, Мария?» – сказала я самой себе, чтобы избавиться от этого угнетения.

Я привыкла плевать на все и на всех. Но иногда мой разум подводил меня, и тогда чувство отвращения к моей грязной душе преследовало меня, терзало. И в этот момент мне казалось, что, даже просто находясь рядом с Мишей, я совершаю святотатство.

Входя в зал, который я покинула всего три минуты назад, я заставила себя вновь расправить плечи, гордо поднять голову и с улыбкой подойти к Морганам-старшим. Черт, я ведь обещала им вернуться с Седриком. Ну что ж. Я старалась.

– Я не удивлена. Не принимай это близко к сердцу, милая, – с улыбкой сказала мне леди Морган.

Но я видела, какое жестокое разочарование отразилось на ее прекрасном лице, когда она увидела меня. Без Седрика.

– Ну что вы, миссис Морган. Зато я подышала воздухом затворничества, – спокойным тоном ответила я, усаживаясь в рядом стоящее, уже свободное, кресло. Мистер Морган куда-то отлучился. – К тому же ваш сын выглядел таким умиротворенным, что не хотелось отрывать его от эйфории.

– Умиротворенным? Седрик? – с недоверием в голосе тихо переспросила миссис Морган.

– Мне так показалось. – Я пожала плечами и закинула ногу на ногу. – Миша сказала мне, что в следующем году вы

планируете подыскать новое место обитания?

– Да, но мы не уверены, хотим ли переезжать. Но, я склоняюсь к мысли, что это будет Исландия. Тихое, спокойное место. Не так много раздолья для охоты, но мы готовы потерпеть это неудобство.

– Вам следует пожить в Торонто. Поверьте, там просто рай, – посоветовала я. Но, вспомнив о том, что могу быть замеченной с любовниками-смертными, добавила. – Хотя, вы правы: Исландия – то, что нужно. Прекрасные пейзажи для съемок. Я думаю нанять одну исландку в роли модели... Должно получиться очень интересно.

– Не сомневаюсь, – с улыбкой сказала леди Морган. – Думаю, скоро мы снова увидим эти фотографии в лучших глянцевого журналах.

– Глянец – это не то... Я предпочитаю эстетику. Может, в ближайшем будущем. – Я задумчиво погладила пальцами свой подбородок, уже видя в воображении свою собственную выставку в лучших галереях мира. Но, увы, в настоящем я застряла на ступени глянца. Но это ненадолго. Обещаю. Пора совершенствовать свои способности и направлять их в по-настоящему достойное фотографа русло, например, репортажную фотографию. Хм, займусь этим сразу после съемок той странно-красивой исландки, волосы и брови которой настолько белоснежны, что заставили восхититься даже меня. Я окружу ее холодными пейзажами и ледяной красотой, чтобы подчеркнуть ее собственную. А главное, она – со-

всем не модель, а всего-навсего медсестра в госпитале своей крохотной деревушки на западе острова. Она будет лучшим, что я когда-либо делала. А потом я убью ее. Ее кровь интригует меня. Кажется, ветер Исландии сосредоточен в ее венах...

– Мария?

Я очнулась, услышав довольно громкий голос Маркуса, зовущий меня.

– Да? – Улыбнувшись, спросила я, не глядя на него.

Он знал мой секрет. Он видел меня. Он мог рассказать Маришке.

Я должна спросить его. Должна. Сегодня же. Узнать, как далеко распространилась правда о моей скверной жизни.

– Я еду в аэропорт. Не желаешь составить мне компанию? – спросил Маркус.

Тут я подняла на него удивленный взгляд.

Он спокойно смотрел на меня.

«Очевидно, он желает поговорить со мной о том же, о чем намерена поговорить с ним я» – пронеслось в моей голове. Не зря же он просил меня проехаться с ним до аэропорта.

– Да, с удовольствием. – Я поднялась с кресла. – Но, надеюсь, мы успеем до вручения подарков.

– Конечно. Мой сын не простит мне, если я пропущу этот знаменательный момент. – Маркус обернулся к своей матери. – Скажи Маришке, что мы будем через полчаса.

– Только, прошу, не опаздывайте, – кротким тоном от-

кликнулась миссис Морган.

Я и Маркус спустились в огромный гараж замка. Молча. Я ждала, когда Маркус задаст мне этот вопрос, но он молчал. Лишь, когда мы подошли к одному из автомобилей, роскошному черному «Ягуар», Маркус взглянул на меня и улыбнулся.

– Что сказал Седрик? – вдруг совершенно неожиданно спросил он.

Неожиданно, ведь я ожидала совсем другой вопрос: «Так ты спишь со смертными?».

Это обманутое ожидание, которое, признаюсь, стало лишь облегчением, заставило меня широко улыбнуться.

– Ты знаешь своего брата. Сказал, что хочет побыть один, – ответила я, усаживаясь в машину, рядом с Маркусом, который сел за руль. – Впрочем, я не удивлена, да и всем пора бы перестать удивляться.

– Я давно перестал это делать. Седрика не переделаешь, таков уж он. – Маркус завел мотор автомобиля, и мы медленно выехали из гаража в дневной тусклый свет.

– И все же я удивляюсь тому, какие вы разные, – усмехнулась я. – Родились в одной семье, имея мизерную разницу в возрасте.

– Да, как и ты с Маришкой.

Эта фраза, брошенная Маркусом довольно шутливым тоном, заставила меня впиться в его лицо. Словно это была прелюдия, ведущая к допросу.

Но я не была бы собой, если позволила бы кому-либо бросить мне это в лицо, как грязное полотенце, смывающее мою защитную маску.

– Ты имеешь в виду то, что я сплю со смертными? – прямо, но с иронией в голосе спросила я.

– Нет, я всего лишь заметил, что ты и моя супруга тихонько ненавидите друг друга. – Маркус улыбнулся. – А насчет твоих сексуальных походов будь спокойна. Мне это неинтересно.

– Седрик знает, – тихо сказала я. – Ты сказал ему.

– Да. Но только ему.

– Почему?

– Что?

– Почему ты не сказал Маришке? – Этот вопрос действительно удивлял меня.

– Не думаю, что она воспримет это так же спокойно, как Седрик.

– Но почему ты рассказал ему? – допытывалась я. Меня охватило раздражение. – Это совсем не твое дело!

– Не нервничай. Седрик даже не удивился. Это я был удивлен, увидев тебя с тем барменом в Торонто. – Тон Маркуса был таким спокойным, что мне вдруг стало стыдно за свою вспыльчивость. Но извиняться я не собиралась: Маркус действительно не имел права разглашать то, что видел. Пусть даже своему брату. Не имел!

– Я не нервничаю. Просто это – мое личное дело, не на-

ходишь? – так же спокойно ответила я на реплику Маркуса.

– Нахожу. Но согласишься: это открытие было не из приятных.

– Мне все равно.

– Мне тоже.

– Вот и волшеббно.

– Ты зря иронизируешь. – Маркус взглянул на меня. – Но я не желаю, чтобы Маришка, а также мои и твои родители узнали об этом. Пожалуйста, будь более осмотрительна.

– Интересно, читаешь ли ты эти нотации своему другу Брэндону? – Ирония не покидала мой голос.

– Он в них не нуждается. Ему плевать на то, что думают другие.

– В этом мы похожи.

– Нет. Ты слишком любишь свою семью, чтобы делать это открыто, как ведет себя Брэндон. Откровенно говоря, я и сам не знаю, с чего вдруг он слетел с катушек.

– Да, раньше он отзывался о смертных лишь уничтожающе. – Я пожала плечами. – Но, кажется, теперь его жизнь вьется вокруг юбок смертных.

– Не думаю. Брэндон... Сложно понять его натуру.

– Ты пытался узнать у него причины такой внезапной перемены?

Маркус вдруг коротко рассмеялся.

– Конечно! – ответил он на мой вопрос и замолчал.

– Я должна вытягивать из тебя каждое слово? – шутливо

бросила я и легонько стукнула его по плечу. – Что он ответил?

– То же, что и ты.

– Что это не твое дело?

– Да.

Воцарилась тишина. Мы молча ехали по широкой ровной дороге.

Странно. Брэндон и Маркус были лучшими друзьями. Уже много лет. Десятилетия. Столетия. И вдруг этот англичанин заявляет Маркусу, что интерес к жизни лучшего друга – «не его дело»? Что с ним произошло? Никто не может измениться так внезапно. На 180 градусов.

Но Брэндон не был паинькой, как остальные вампиры. Он не скрывал от других свою страсть к смертным. Я скрываю. Он – нет. И это восхищало меня в нем. Эта открытость. Это сумасшедшее наплеватьство на других, их веру и взгляды. На наши устои. Надеюсь, я стану такой же. В один прекрасный день.

– Чудак! – тихо произнесла я, а затем вновь впилась взглядом в лицо Маркуса. – Женщина, в которую он влюблен. Ты знаешь ее? Кто она?

– Не поверишь, но понятия не имею. – Маркус тяжело вздохнул. На миг его лицо стало очень серьезным. – Хотел бы я знать...

– Черт, да что происходит с этим негодяем? – вырвалось у меня: тайна, окружавшая Брэндона Грейсона, манила меня,

как Сирена. И зачем только мне знать? Какая мне разница?

Оставь это, Мария. Оставь сейчас же.

– Я не уверен в своих догадках, но меня посещает мысль, что Брэндон влюблен не в секс со смертными, а в его власть над ними, – вдруг перевел тему Маркус.

– Что ж, это похоже на того Брэндона, которого я знаю, – хихикнула я. – И все же, хотелось бы узнать, кому же из наших не повезло стать объектом его вожделения. Нет, стой... Объектом его любви. Ха-ха! Так нелепо звучит, зная, что мы говорим о нем!

Очень хотелось. До спазм в разуме.

– Он не так уж плох, как кажется, – словно защищая честь лучшего друга, прохладным тоном сказал на это Маркус.

– Я и не говорю, что он плох. Я говорю, что трудно поверить в это удивительное событие. Он влюбился! Ха-ха! – парировала я.

Но на самом деле смешно мне не было. Мне было жаль.

– Ладно, оставим беднягу в покое, договорились? – натянутым тоном спросил Маркус, разворачивая свой автомобиль резко вправо. И только сейчас я заметила, что мы пробираемся сквозь плотный ряд машин, словно застывших в пробке.

– Черт... И куда только едут все эти идиоты? – тихо выругался Маркус, останавливая автомобиль за большим белым джипом. – Прекратите сигналить, ослы, это не поможет!

Но его слова были сказаны впустую: другие водители,

смертные, сигналили так часто и громко, будто надеялись устранить пробку своим невероятным неуместным шумом. Надеялись, что пробка рассосется сама по себе, если они будут нажимать на кнопку сигнала каждую долю секунды.

Идиоты. Самое подходящее слово для таких смертных.

– Так мы едем в аэропорт? – только сейчас поинтересовалась я.

– Да, в Вацлава Гавела, – ответил мой собеседник, поглядывая в зеркало заднего вида, словно разыскивая пути побега из хаоса, окружающего нас.

– И что ты там забыл? – удивилась я.

– Не что, а кого. Брэндона.

Я недовольно вздохнула. Я не желала, не желала видеть этого вампира! Никогда!

– Ты привезешь его в замок? – спросила я, надеясь услышать «нет».

– Нет. Просто он уехал, забыв в замке свой айпад.

– Хочешь сказать, что мы едем в Вацлава Гавела лишь из-за этого пустяка?

– Для него потеря айпада – далеко не пустяк.

– Ах, да, забыла. Он же известный благотворитель и бизнесмен. – Я издала смешок.

Брэндон Грейсон. Благотворитель. Лицемер.

– Именно. А вот и он! – Маркус кивнул в сторону выхода из аэропорта.

Вот черт! И зачем только я потратила все это время на

допрос Маркуса? Нужно было выпрыгнуть из автомобиля и бежать!

– Знаешь что, я, пожалуй, доберусь до ближайшего шопинг-центра. Только сейчас вспомнила, что забыла взять с собой мои любимые духи. – И, не дожидаясь ответа или удивленной реплики Маркуса, я поспешно покинула автомобиль и пошла прочь по узкой линии, пробивающейся между рядами разноцветных автомобилей.

Купить духи. Какая мерзкая причина. Но ничего другого придумать я не смогла. Мне нужно было сбежать, и я сделала это.

– Забрать тебя? – вдруг услышала я голос Маркуса.

– Да, пожалуй. Я буду в Палладиуме, – ответила я. Мои каблуки стучали об асфальт. – Найдешь меня там.

– Отлично, надеюсь, ты не потеряешься в океане флаконов с духами... Привет, рад снова видеть тебя, – вновь услышала я голос зятя.

– И я рад. Спасибо, что приехал. – Это был голос Брэндона Грейсона. Красивый. Низкий. Сексуальный.

Помимо своей воли, я обернулась. Мое тело предало меня.

Брэндон стоял у автомобиля Маркуса, слегка наклонившись к окну. На его губах играла улыбка. Обворожительная. Как и он сам. Черный костюм. Черные кожаные перчатки. Черные солнцезащитные очки. Элегантность во плоти.

Я смотрела на него, не дыша.

Мерзавец. Лицемер. Ненавижу его.

Резко развернувшись, я продолжила свой путь, отчаянно надеясь на то, что он не заметит моего негласного присутствия.

Он не заметил.

Довольно быстро дойдя до шоппинг-центра и завернув в первый же магазин парфюмерии, я купила флакон моих любимых духов, нашла одинокий столик в небольшом, но уютном кафе, заказала чашку дорогого кофе, для виду, и погрузилась в свои мысли. Это чудо, что я успела захватить с собой сумочку с кредитными картами.

Я была взвинчена до предела. Зачем, черт побери, я прилетела? Не видела родителей, братьев и сестер? Хотела познакомиться с племянником? Наконец-то хоть недолго пообщаться с Мишей? Что я здесь делаю? Сижу в этом дурацком кафе, прячась, как крыса. От кого? Кто же та персона, от которой я скрываюсь, как низкая тварь?

Я сама.

Это я сижу здесь, среди галдящих, дурно пахнущих смертью людей. Это я сижу здесь в своем коротком праздничном платье. Это я – совершенно одна. Без телефона. Без здравого смысла. Я и мои мысли.

Но что за недостойное поведение, Мария? Расправь плечи. Это всего лишь один день. Один чертов бесконечный день, и ты проживешь его, как до этого проживала десятилетия и века. Войны. Катастрофы. Один день, Мария, и ты

будешь свободна...

– Я здесь.

Я вздрогнула.

Голос Маркуса донесся из гула тысяч голосов, спасая меня от духовного самоубийства.

– Иду, – едва слышно сказала я и покинула кафе. – Где ты?

– На стоянке.

– Быстро же вы пообщались, – тихо заметила я, шагая к эскалатору, ведущему к подземной трехъярусной стоянке.

– Он торопился. У него встреча в Лондоне.

– Вечно занятый благодетель. Смертные просто обязаны целовать его ботинки.

– Оставь это. Понять не могу, чем он тебе не нравится? – со смехом спросил Маркус.

– Почему он должен мне нравиться? – в свою очередь, усмехнулась я.

– Не должен, но, насколько я знаю, тебе он никогда не нравился.

– Ошибаешься. Я просто равнодушна к факту его существования.

Я нашла автомобиль Маркуса и села на заднее сидение.

Маркус усмехнулся и завел мотор.

– Пристегнись, пожалуйста, не хочу, чтоб меня оштрафовали, – сказал он.

Я молча исполнила его просьбу и всю дорогу до замка не отрывала взгляд от своего темно-красного флакона с духами.

У меня не было желания разговаривать.

К счастью, Маркус словно понимал это, потому что за всю дорогу не проронил ни слова. А может, он догадался об истинной причине моего побега. Еще бы: я так настойчиво спрашивала его о проклятом Грейсоне...

Где твой разум, Мария? Ведешь себя как сумасшедшая идиотка. Молчи. Всегда молчи и будь счастлива. Улыбка не должна сходиться с твоих губ. Ты свободна. Ты прекрасна. Жизни людей – твоя вотчина. Ты – жнец Смерти. Ее помощник. И ты не опустишься до того, что настойчиво навязывает тебе Жизнь.

Через полчаса после нашего возвращения в замок, пришло время раскрыть подарки, и, нужно сказать, малыш Седрик очень профессионально и быстро развернул всю ту кучу коробок, которую ему надарили. Кажется, этот маленький вампир – самый счастливый ребенок в мире. У него есть все, что лишь может пожелать и придумать мозг трехлетней разумной персоны. Мой подарок – маленький, но невероятно качественный и быстрый игрушечный вертолет тоже пришелся Седрику по вкусу, поэтому с момента знакомства, эта парочка не расставалась ни на миг: вертолет летал по замку, а Седрик бегал за ним с пультом дистанционного управления. Малыш просто сиял от счастья. Что ж, я была чрезвычай-

но довольна собой, потому что подарок его матери – коллекция разноцветных книг с польскими сказками, была забыта в тот же миг, как он, развернув коробку, почти мгновенно отбросил ее к горе уже открытых подарков. Никогда не забуду то острое чувство удовлетворения, когда лицо Маришки покрылось нескрываемым разочарованием при виде того, какая судьба настигла ее «выбранный с огромной любовью» подарок. Наши родители подарили внуку черную как смоль арабскую лошадь, которая, по их заверениям, ждала маленького, но гордого владельца в загородном коттедже Маришки и Маркуса. Конечно, же, Маришка тут же выразила сомнение, что «дарить ребенку взрослую лошадь – это опасно, почему не пони?», отчего все присутствующие, включая ее супруга, закатили глаза. Миша и Фредрик преподнесли племяннику синтезатор, выразив надежду, что скоро услышат произведения его собственного сочинения. Дорогие, напыщенные подарки. И лишь Седрик совершил нечто вопиюще волшебное – подарил племяннику мяч и обещание играть с ним в футбол, когда того пожелает малыш, и если Седрик-старший будет в зоне досягаемости (думаю, он имел в виду не отъезды, а нежелание выхода из своей меланхолии и одинокого добровольного заточения в своем мрачном мире).

Подводя итог: праздник удался.

Но вскоре, к счастью, пришло время расставаться. При прощании я подарила моей милой Мише красивое дорогое платье, которое заказала в лучшем ателье Торонто, по моему

эскизу. Миша пришла в восторг, бросилась обнимать меня и в который раз напомнила мне о моем обещании приезжать на каждый ее День рождения.

«Ох, Миша, ты просто пользуешься моей любовью!» – пронеслось в моей голове. Но ее счастливые глаза тут же убили во мне всякие надежды на отговорки.

– И помни, что ты всегда можешь к нам приезжать, в любое время года и суток! – щебетала Миша, не выпуская меня из своих объятий. – Мы всегда тебе рады!

Я подавила смешок. О, да, Фредрик – уж точно. Наивная сестренка...

– А, может, мы сами прилетим к тебе в Торонто! – вдруг воскликнула Миша.

Я тут же отстранилась и бессильно улыбнулась: нет, только этого не хватало!

– Не думаю, что это – хорошая идея... У меня не будет свободного времени развлекать тебя, понимаешь? Я работаю сутками... – не зная, как убедительнее солгать, залепетала я.

От одной мысли, что Миша ненароком столкнется с одним из моих смертных «ухажеров», поджидающих меня дома и на работе, меня охватил ужас. Миша не должна знать. Это будет... Конец. Конец меня. Конец ее любви ко мне. Моя гибель. Нет.

– Ничего страшного! Мне хватит даже пару часов в день! Ведь Фредрик полетит со мной!

Фредрик прикрыл ладонью насмешливую улыбку.

– Миша... – Я схватила ее ладони и заглянула ей в глаза. – Не нужно лететь ко мне. Я сама прилечу к тебе. Честно. На неделю. Только ты и я. Договорились?

– Великолепная идея, Мария. Если ты прилетишь в декабре, когда я уеду навестить родителей, – это был бы идеальный визит, – сказал Фредрик. В его голосе явно прозвучала ирония, но, кажется, Миша не заметила ее, потому что тут же согласилась с его мнением.

Не знаю, почему, но моя младшая сестра не хотела замечать того, что я и ее супруг предпочитали не видеть друг друга. Это хорошо, черт побери, ведь, если мы заставим ее выбирать общество лишь одного из нас, она выберет Фредрика. Она любит его. Я не могу потерять ее. К счастью, Фредрик знал это, знал, как сильно я люблю Мишу. И он терпел это, галантно согласившись покинуть супругу на целую неделю, ведь я прекрасно понимала, что визит к родителям – это ложь.

Итак, я покинула Прагу, связанная обещаниями и прекрасным чувством свободы.

Этот день утомил меня. Столько эмоций. Слишком много для одного дня.

Прилетев в Торонто и забросив чемодан в квартиру, я поспешила в ближайший ночной клуб. Утром вышвырнула за дверь очередное смертное сердце.

Полночь.

Большая желтая луна освещает своим светом неспящий Торонто. Луна светит так ярко в эту ночь, что уличные фонари лишь бесполезно поблескивают своим электрическим мертвым светом. Есть только это бесконечное глубокое черное небо и эта луна.

Я наслаждаюсь одиночеством и этой живописной картиной. Мой широкий длинный балкон, к счастью, стал прекрасным местом для ночного созерцания. Я лежу на узкой софе. Мои босые ноги покоятся на большой твердой бархатной подушке. Комфорт. Уединение. Бутылка свежей крови. Хрустальный винный бокал. Идиллия. Я отрешилась от всех звуков. Ни голоса соседей, ни парочка в соседнем доме, смотрящая фильм ужасов, ни шум машин. Ничего. Тишина.

И в этой тишине ужасным страшным голосом кричат, визжат, не дают мне покоя мои мысли. Я не могу отделаться от них. Каждый раз, когда я желаю просто уйти от реальности, хоть на секунду, она врывается ко мне, неожиданная, нелюбимая. Я ненавижу ее. Извечный непрошенный гость, перед которым любой спешит закрыть двери и не пускать его на порог. Но эта стерва выбивает дверь, ломает замки и врывается, заполняя собой все пространство. Она в моей голове. Она шепчет мне, что я несчастна. Она унижает меня. Меня, как личность. Меня, как женщину. Меня, как существо, обладающее высшим разумом на этой чертовой планете.

Я люблю жить. Но Жизнь ненавидит меня и превращает мое существование в вечный ад. Тот Ад, в который верят люди. Но люди получают его лишь после смерти. Я же – наказана при жизни. Уже восемь лет я живу в жадном, неистовом пламени. Я не чувствую физической боли. Это пламя уничтожает меня морально. А душа... Если она когда у меня и имелась, теперь ее точно нет. Она сторела. Рассыпалась. Я горю и рассыпаюсь...

Я не должна была приезжать. В тот день.

Прага. Свадьба Маришки. Я захожу в огромный полутемный собор Святых Павла и Петра. Гости. Идеальные создания. Вампиры, как и я.

Вампирская свадьба. Повод достать из гардероба лучшее. Любимое. На мне – мое короткое красное платье. О, как я люблю его. Мои волосы распущены и свободно ниспадают до пояса, стыдливо прикрывая своей красотой обнаженность моей спины, которую дарит глубокий вырез платья. Красные туфли. Я неспешно занимаю место в первом ряду скамей, рядом с Мартином. Все прекрасны. Боги и богини на земле. Мама интересуется у Миши, познакомилась ли она с Седриком. Сам Седрик стоит у престола, рядом с пастором. Боже, как он величественен. Но его лицо отрешенно, глаза опущены на пол. Его нет здесь. Он где-то далеко. Миша отвечает матери, что у нее нет никакого желания знакомиться с этим «угрюмым типом», и мама тут же одергивает ее, а затем вполголоса извиняется перед Морганам и гостями

за неуместное поведение младшей дочери. Маркус быстрым шагом занимает свое место. Он взволнован и не скрывает это. Мартин шутливо говорит мне, что, видимо, тот, кто шил мое платье, явно сэкономил ткань, но оглушающий звук органа сводит на нет все разговоры и наполняет собой собор. Гости встают. Маришка, под руку с нашим отцом, проплывает к алтарю. Все так мило, что хочется саркастически улыбнуться и закатить глаза, но я сдерживаю себя. Не отрываю взгляд от Седрика...

– Моя прекрасная соседка скучает?

Голос моего соседа-плейбоя заставил меня вздрогнуть.

– Знаешь, Трой, я обязательно закажу непроницаемый черный настил на мой балкон, чтобы ты больше не смел совать свой нос на мою территорию, – скучающим тоном сказала я и сделала глоток из бокала с кровью. Все равно Трой ничего не поймет. Я могу пить кровь у него перед носом, но и тогда этот тупоголовый миллионер не распознает, что в бокале у меня – совсем не красное вино.

– Хочешь сказать, что ты просто так, без какой-либо цели, лежишь на своем открытом балконе, в одном лишь сексуальном нижнем белье? – томно ответил мне Трой.

Я посмотрела на него: его похотливый взгляд ласкал мое прекрасное белое тело.

– Это не нижнее белье, Трой. Это – халат, – спокойно заметила я.

Черный шелковый халат. Распахнутый. Под ним – крас-

ное шелковое белье.

– Когда ты, наконец, пригласишь меня к себе? Надоело быть всего лишь слушателем.

– Если я захочу переспать с тобой, то обязательно сообщу тебе об этом. Но, боюсь, этого никогда не случится – ты не в моем вкусе, мальчик, – устало сказала я. – А теперь пошел вон и оставь меня в покое, иначе, я рассержусь.

Как он надоел, этот идиот. Каждый раз, когда я прохожу мимо, он облизывается, как самовлюбленный, заласканный кот.

– Оставить тебя в покое? – ехидно улыбнулся он. – Мария, ты сама понимаешь, что сама этого хочешь. И я всегда в твоём распоряжении.

– Да, да, знаю. Это все? Спокойной ночи, Трой.

– Спокойной ночи, тигрица.

«Сучка» – пробормотал он, не зная, что я слышу его.

– Еще какая, – с кривой улыбкой сказала на это я.

На миг его лицо посерьезнело, но затем, уверенный в том, что я прокомментировала его «тигрицу», он подмигнул мне и ушел, громко захлопнув дверь на балкон за своей спиной.

«Нужно съезжать из этого сумасшедшего дома. Все было бы прекрасно, если бы не соседи... А может, купить дом, где-нибудь в провинции? Но так, чтоб недалеко от Торонто... Черт, эти мерзкие людишки везде! Куда от них спрятаться?» – с тоской подумала я, пригубив бокал крови.

Люди. Они везде. Стояли, раскрыв рты, глаза на нас. В тот день.

– Прошу прощения, миссис Мрочек. Я ужасно опоздал. Я поворачиваю голову вправо.

На меня смотрит он.

Брэндон Грейсон.

«Как же я ненавижу тебя!» – проносится в моей голове.

Он чарующе улыбается, а затем его внимание целиком и полностью поглощает свадебный процесс.

А я стою, еле скрывая мелкую дрожь отвращения и ненависти. С чувством, будто меня окунули в ванну дерьма и заставили быть здесь, в этом чертовом костеле, быть посмешищем. Я ничего не вижу, ничего не слышу и не чувствую. Желаю лишь одно – убраться отсюда подальше. Выбежать из костела с криками отвращения. Кричать о том, как я ненавижу этого сукиного сына. Кричать так громко, чтобы заглушить своим криком ропот мира. Но я смиренно остаюсь на своем месте до самого конца свадебной церемонии. Я слаба. Нет, меня просто больше нет. Меня нет.

– Мне очень нравится этот снимок, но тот турист испортил все, что можно было испортить. – Я раздраженно вздох-

нула, показывая моей модели тот самый испорченный снимок.

Чертов незнакомец в ярко-желтой куртке неожиданно-негаданно появился в кадре в тот самый момент, когда я нажала на кнопку. И теперь позади прекрасной Айсы отчетливым уродливым пятном желтела его чертова куртка. Но, заметив, что его присутствие явно портит нашу фотосессию, злополучный турист поспешил скрыться.

– Мне очень жаль, но тебе придется еще раз принять тут же позу на том же месте. – Я взглянула на девушку. – Прости, я знаю, что тебе холодно, но это очень важно.

Айса. Девятнадцатилетняя исландка. Красивая и высокая. Именно та медсестра, о съемке которой я мечтала с тех пор, как впервые увидела ее в кафе ее маленького родного города. Я тут же познакомилась с ней, взяла ее данные и, с ее позволения, сделала пару снимков ее прекрасного белого лица. Ее белые волосы, брови и ресницы – совершенно белые, как снег. Но белы не так, как у альбиносов. Ее красота – само воплощение Севера, его красоты и мощи. Именно так, по-моему, должна выглядеть неподражаемая скандинавская богиня красоты Фрея, которая переродилась в облике волшебной юной Айсы. Сегодня я снимала ее на фоне угрюмого, полного больших острых камней океанского берега. Темно-синие, почти черные волны врезались в эти камни и разбивались ледяным дождем позади моей современной Фрей. Сумерки. На девушке – полупрозрачное черное платье, которое почти

сливается с окружающей его мрачной темной красотой этого места. Белоснежная кожа едва-едва пробивается из-под ткани платья, а волосы словно застыли в воздухе, подчиняясь ветру. Айса воплощает собой одинокого призрака, древнего духа, Фрею, спустившуюся на землю в поисках покоя.

Шесть градусов тепла. Мне жаль Айсу.

Но эта девушка превзошла все мои ожидания и стойко выдержала все мои требования, холод и ледяные брызги океана. Она была так послушна и кротка, что я дала себе слово не убивать ее. Айса слишком прекрасна, слишком возвышенна. Даже для меня. Особенно для меня.

После съемок я торопливо укутала это небесное создание в теплый плед, усадила ее в машину, и мы поехали к ее дому, где я передала Айсу в руки ее беспокойных родителей. Меня пригласили на ужин, но я отказалась, сославшись на уже купленные билеты в Лондон, где у меня была назначена следующая съемка и интервью с одним из известнейших английских журналов репортажной фотографии «Colour world». Для этого я купила билеты за три дня до встречи с главным редактором, чтобы успеть распечатать свои лучшие фото. Ведь, несмотря на то, что я снимала моделей, в свободное время я снимала мир. Простых смертных. В аэропортах. На перронах. В метро. На улице и в кафе. Детей и стариков. Красивых и не очень. Уродливых. Калек. Саму Жизнь во всем ее противоречивом многообразии. Но и Смерть. Три года назад мне удалось запечатлеть ее. В Торон-

то. Парень прыгнул под прибывающий поезд. И я сделала это: самоубийца остался висеть в воздухе, прямо по центру огромного железного носа поезда. Не понимающий, что происходит, машинист, нахмуривший густые брови, безмолвно смотрит вперед. За секунду до того, как поезд раздавит, разнесет на куски тело самоубийцы. Открытый в ужасе рот девушки, протягивающей руки к тому, что решил покончить с Жизнью. Наверное, его девушка. Теперь неофициальная вдова. Лучший снимок, сделанный мною за все годы моего увлечения фотографией.

– Я впечатлен, мисс Мрочек. Для ваших фотографий нужно открыть независимую выставку, – сказал главный редактор Бернар Аттик. Он выглядел весьма внушительно.

Мы сидели в его большом светлом от четырех больших настольных ламп кабинете, обставленном со вкусом, но слегка тронутым беспорядком. На черном деревянном столе редактора ютились десятки папок, открытый ноутбук, множество листов, писем, а на самом краю притаилась маленькая белая чашка с кофе. Одно неверное движение локтя – и она упадет на голый паркет и рассыплется на куски. Но, кажется, главный редактор так привык иметь ту самую чашку именно на том месте, что за ее сохранность я не волновалась.

Мистер Аттик был профессионалом. И я уважала его. Я

уважаю совсем немногих людей. Но его нюх, чутье и вкус – были выше всяких похвал. Правда, фамилия у него забавная. Но это даже мило.

– Правда? – скромно отозвалась я, прекрасно понимая, почему он так впечатлен.

– Да... Ваши фотографии... Я никогда не видел ничего подобного. И вы ведь занимаетесь модельными съемками? – Бернар рассматривал мои фотографии уже по второму кругу. – Вот эта. Просто волшебна.

Я взглянула на фото: ах да, случайный снимок в маленьком кафе Ливерпуля. Маленький мальчик незаметно кормит толстого коротконового пса вареной сосиской, в то время как мать мальчика сидит за столиком и сосредоточенно красит тушью ресницы. Рот женщины широко приоткрыт, словно это помогало ей в ее занятии. Черно-белый снимок. Начало двухтысячных.

– Мило, очень мило. Так что скажете? – пробормотал Бернар, все еще созерцая каждую деталь фотографии.

– На что? – переспросила я, терпеливо ожидая, пока восторг мистера главного редактора уляжется и начнет работать его мозг.

– На выставку.

– Вы не шутите? – изумилась я. Вот это поворот! Своя выставка в Лондоне!

– Ваши работы чертовски хороши, мисс Мрочек, и я не желаю, чтобы вы шли искать признания в другой журнал.

– Я вся ваша, мистер Аттик, – шутливо сказала на это я. – В какие сроки?

– Пока что наша галерея занята выставкой Няяды Оливецкой. На тему отцов и детей. Знакомы с ее работами?

– Еще бы! Насколько я знаю, она признана самым влиятельным фотографом Восточной Европы.

– Ее выставка завершается через две недели. Оформление вашей займет около недели.

– Значит, три недели ожидания. Не так уж плохо!

– Но мне нужно показать ваши работы нашему спонсору. За ним будет последнее решение, – вдруг сказал мистер Аттик.

Я усмехнулась. Черт. Так всегда – только успеешь обрадоваться, как твою радость убивают всего одной фразой.

– И кто же ваш спонсор? – поинтересовалась я. – Тот же, кто спонсирует Няяду Оливецкую? Тогда у него отличный вкус. Кстати, не подскажите, где я могу встретить саму Няяду... – И в этот момент в моей сумочке громко зазвонил смартфон. – Черт, прошу прощения. – Я вытащила смартфон из сумки. – Я отлучусь на минуту, это важный звонок.

– Не стесняйтесь себя, мисс Мрочек, – благодушно улыбнулся Бернар.

Я улыбнулась в ответ и вышла в коридор.

– Да, мам, привет, – тихо сказала я в трубку. – Я сейчас занята, это срочно?

– О, прости, не хотела беспокоить тебя. Просто ты не зво-

нишь, а я хочу знать, как дела у моей девочки.

– Дела у твоей девочки лучше не бывает. Я в Лондоне, и главный редактор «Colour world» хочет организовать выставку моих работ! – с ноткой счастья в голосе сказала я.

– Вот это да! Мои поздравления! И когда? Я и папа обязательно прилетим на открытие!

– Это здорово. Но давай пообщаемся позже, я перезвоню, как буду свободна.

– Да, конечно. Но это прекрасная новость! Поздравляю!

– Спасибо. Созвонимся позже.

– Да. Целую.

Я улыбнулась. Нет сомнений – сейчас мама обзвонит всех родственников.

Вернувшись в кабинет мистера Аттика, я застала последнего за составлением контракта.

– Я созвонился с нашим спонсором. Он приедет через пару часов, чтобы ознакомиться с вашими работами. – Мистер Аттик широко улыбнулся. – Но, между нами, мисс Мрочек, я абсолютно уверен в позитивном решении.

– Было бы восхитительно, – тоже улыбнулась я, все же недовольная, что мои работы нуждаются в одобрении какого-то смертного.

– Поэтому, если вы не против, я попрошу вас оставить ваши фотографии до вечера, а в шесть часов вы сможете забрать их.

– Что ж, если таковы условия вашего спонсора, то, конеч-

но, я приду за ними позже.

– Я в свою очередь обещаю, что все ваши тридцать снимков будут в целости и сохранности. И, естественно, я был бы рад и доволен сотрудничать с вами, мисс Мрочек.

Мы пожали друг другу руки, и мистер Аттик вдруг сконфуженно улыбнулся.

– О, прошу простить мою оплошность! Мне следовало заказать для вас кофе или чай...

– Нет, что вы... Мне не холодно, поверьте, – поспешила перебить его я.

Он по-джентльменски посчитал, что холод моих рук – дело, как ни банально, холода.

Милый смертный, не поспоришь. Таких мало.

– До свидания, мистер Аттик, я зайду в шесть. – Я забрала свою сумку и шерстяной кардиган и направилась к двери.

– До вечера, мисс Мрочек.

Впереди меня ожидали три часа ожидания, а возвращаться в отель мне не хотелось. Я поймала такси и отправилась на выставку Няяды Оливецкой. Вдоволь надышавшись ароматом репортажной фотографии, которую я бы назвала «социальной», так как работы этого молдавского фотографа отражали в себе быт и конфликт поколений, и, представив, как именно я оформлю свою выставку, я вернулась в офис «Colour world», чтобы узнать свой приговор.

– Ваши работы пришлись ему по вкусу. Поздравляю. – Мистер Аттик улыбнулся, но я заметила, что он явно что-

то скрывал, и это что-то доставляло ему душевный дискомфорт.

– Что ж, я рада. Значит, самое время подписывать контракт? – спросила я. – Но вы чем-то встревожены. Видимо, при ознакомлении с моими работами у вашего спонсора возникли какие-то вопросы?

Моя прямота не смутила Бернара. Еще бы – он двадцать семь лет проработал в этом журнале, на посту главного редактора и повидал многое.

– Нет, все прошло гладко. Ему очень понравились ваши работы. Это правда. Но он согласен организовать вашу выставку лишь при одном маленьком, я бы сказал, ничтожном условии.

– Что за условие? – нахмурилась я.

– Он желает купить одну из ваших работ, и с условием, что вы больше никогда ее нигде не опубликуете. Все варианты, все файлы.

– Хм, интересное условие! – усмехнулась я. Это мне даже льстило. – Ему так понравилась моя работа?

– Когда он дошел до этой фотографии, то рассматривал ее минуты три. Обычно, он просматривает каждую работу секунд за десять.

– Какая именно фотография? – Меня съедало любопытство.

– Вот эта. – Мистер Аттик протянул мне фотографию. – Она не будет объектом выставки.

А 4. Девушка, ждущая трамвая. Десять лет назад. Один из не самых благополучных районов Праги. Признаться, не самая моя любимая работа. Я сфотографировала эту девушку случайно, потому что меня восхитили ее длинные густые волосы, слегка растрепавшиеся от ветра. Была осень, и эта девушка была одета в длинное черное пальто. Руки спрятаны в карманах. Выразительные карие глаза прищурены. Хм. И этот снимок настолько поразил «великого и ужасного» спонсора, что он готов был выкупить на него все права?

– Если ему так нравится эта фотография, я не могу лишить человека радости обладания ею, – серьезным тоном, но с иронией, сказала я. – Так, как вы сказали, имя вашего спонсора?

– Мистер Брэндон Грейсон.

Мой рот приоткрылся, но из него не вылетело ни звука. Я впала в ступор.

– Вот как. – После долгой паузы все же выдавила я.

– Все в порядке? – слегка обеспокоенным тоном спросил мистер Аттик.

– Да. Просто... Я знакома с ним. Это один из друзей моей семьи. Не знала, что он занимается выставками, – непринужденно сказала я. – И давно?

– Это будет седьмая. Мистер Грейсон очень щедр и поддерживает молодые таланты. Такие, как вы, мисс Мрочек.

Я усмехнулась. Про себя. Назвать меня молодой мог бы только смертный.

– Я польщена. Так что насчет контракта? Если мы все выяснили, и я готова отдать все права и все файлы на эту работу, я готова поставить свою подпись и поехать в отель, – улыбнулась я.

Все прошло без лишних слов. Контракт был подписан. Официальная дата открытия выставки была назначена на десятое октября.

Сев с такси и приказав отвезти меня в отель, я набрала номер Маркуса.

– Мне нужен номер Брэндона. Это срочно, – коротко сказала я.

Да, у меня не было номера Брэндона. Никогда даже не представляла, что буду иметь с ним дело.

Маркус, к счастью, без лишних вопросов, прислал мне номер, и я тут же набрала его. Мои пальцы делали это сами, вне зависимости от моего желания никогда не общаться с Грейсоном. Я ненавижу его.

Но мне нужно было знать. Зачем ему понадобилась эта фотография. Ведь он прекрасно знал, что ее автор – я.

– Брэндон Грейсон. – Я услышала его красивый низкий голос.

– Зачем тебе эта фотография? – пытаюсь изобразить шуточный тон, спросила я.

Видимо, он усмехнулся. Я это чувствовала.

– Это ты, Мария. Должен признать, ты – отличный фотограф.

– Это я знаю. Так зачем тебе эта фотография?

– Ты подписала контракт?

– Да.

– Я не обязан отчитываться перед тобой.

– А я не обязана продавать ее тебе. – Его спокойный равнодушный тон обжигал меня.

– Ты уже это сделала.

– Но я все еще не огласила сумму.

– Ты права, самое время.

Я отчаянно не хотела продавать ему свою фотографию.

Нет, черт побери, нет!

– И сколько ты дашь за нее?

– Твой вопрос некорректен. Ты автор – и это твое право назначать цену.

– Тогда я хочу за нее... Скажем, миллион. – Я нарочно назвала эту высокую цифру. Вряд ли он захочет покупать за такие деньги какую-то маленькую фотографию.

– Достойная сумма для достойной работы, – как ни в чем не бывало, сказал на это Брэндон.

– Ты шутишь? – вырвалось у меня.

– Это окончательная цена?

– Тебе так нужна эта фотография? – не смогла удержаться я.

– Нужна? Нет. Но мне нравится ее эстетика.

– Тогда я не продаю ее.

– Поздно. Ты подписала контракт. Ты обязана продать ее

мне.

– Знаешь, что, Брэндон? Я продам тебе свою работу, но лишь потому, что мне, черт подери, нужна эта выставка! А ты мерзавец, каких мир не видел!

Он рассмеялся.

– Из твоих уст, Мария, это звучит как комплимент. Окончательная сумма?

– Я уже назвала. Фунты стерлинги.

– Отлично. Уже на твоем счету. Завтра я приеду в твой отель, в восемь вечера. Мы можем поужинать вместе, и я беру свою покупку.

– Не ставь мне условия, – раздраженно ответила на это я.

– Это не условия, а обычная процедура.

Ужин с Грейсоном. Никогда. Как я смогу смотреть на него и скрывать свою неприязнь, свое отвращение? Ведь мои глаза будут гореть ненавистью.

Но если ему равнодушно, пусть забирает свою покупку и катится к чертям собачьим.

– Договорились. Завтра в восемь, в ресторане отеля. – Я отключилась.

Я была полна противоречивых чувств, и мне казалось, моя голова пошла кругом, хоть это и невозможно. Но эти чувства, эмоции сидели внутри меня, давили, терзали, рвали. Никчемный разговор с этим нарциссом мистером Грейсоном – и я впала в состояние, которого не знала никогда. Вру. То же состояние, что накрыло меня в костеле восемь лет назад,

когда этот мерзавец сказал моей матери: «Прошу прощения, миссис Мрочек, я ужасно опоздал». Эти слова звенели в моей голове, как удары колокола. Значит ли это, что моя голова пуста, как купол костела? Нет. Она разрывается. От мыслей. Они – как удары колокола, как слова Брэндона, как все, что окружает его и связано с ним. От моей ненависти. К нему. К тому дню. К себе.

«Так ли мне нужна эта выставка? Я в любое время могу разорвать контракт, тем более, никаких действий со стороны исполнителя еще не началось, – размышляла я. – Моя работа нужна ему. Любит эстетику. Какую эстетику он нашел в той фотографии? Придет за ней... Нужно было просто послать с курьером все файлы! Эта встреча мне не нужна. Что я буду делать, черт, вновь притворятся, что мне равнодушно его присутствие? Испортил мне всю жизнь. Черт, Мария, ты ведешь себя, как белый зайка, желающий спрятаться от хитрого лиса. Что с тобой? Ты размякла? Испортилась? Это всего лишь очередная деловая встреча, и ты будешь спокойной, как Эверест. Поболтаете ни о чем...»

– Мисс!

Громкий голос водителя застал меня врасплох.

– Приехали? – устало спросила я, открывая сумку и ища наличные.

– Да. Ваш отель, как просили. The Laslett.

Я взглянула на таксометр и молча расплатилась, оставив хорошие чаевые, от чего таксист сменил угрюмость своего

лица на приветливую, едва заметную усмешку. Схватив свой кардиган, я вышла из машины, но вдруг наперекор рассудку, я постучала в окно еще не отъехавшего такси. Водитель опустил стекло. Я наклонилась вперед.

– Во сколько открываются ближайшие ночные клубы?

Мой вопрос вызвал на лице таксиста всплеск неудовольствия.

– Ближайший открывается в одиннадцать. Но там всякая рвань, мисс, хоть и близко к такому дорогому отелю.

– Спасибо. Как тебя зовут, милый человек?

– Эм... Харви.

– Вот, Харви. – Я достала из своего большого кошелька еще одну из купюр – двадцатку, первую что попалась. – Купи себе чаю.

– Мисс, вы уже...

– Бери. Это на чай. А те деньги можешь потратить на что-то другое, – настойчиво сказала я и протянула таксисту купюру.

– Эм... весьма благодарен, мисс. Приятного вечера! – Харви забрал двадцатку и улыбнулся.

– Тебе тоже.

Я помахала ему рукой и направилась в отель.

На самом деле, я и без Харви прекрасно знала о том, во сколько открываются ночные клубы. Мой любимый клуб в Лондоне как раз находился недалеко от моего отеля. Именно по этой причине я всегда останавливалась здесь, – чтобы

притащить с собой очередную жертву. Использовать ее. Выбросить. Забыть. Забыть настоящее. Хоть на пару часов.

Глава 5

Из всех, кто приходит в клуб, я всегда выбираю самого красивого. По человеческим меркам. Что касается посетителей женского пола, со мной не сравнится никто, и я правлю балом. Я просто подхожу к своей жертве и говорю: «Привет. Мне скучно. Не хочешь пройтись со мной до моего отеля?». Работает безотказно. Так бывает в большинстве случаев, но иногда я люблю разыграть целую историю, трагикомедию, развлечься. Но не сегодня. Мне не до этого. Все, что мне нужно – дожить до следующего вечера, не думая о Брэндоне.

Мы идем в отель. Я и Адам. Адам – молодой ветеринар, кажется, он сказал, что ему 26. Его глаза сияют от восхищения моей красотой. Мое короткое черное платье оказалось замечательной приманкой. Высокий, стройный, красивый, темноволосый Адам. Любит собак. Отличное качество. Хоть я собак не люблю. Ни кошек. Вообще равнодушна к животным.

– Тебе нравится быть ветеринаром? Пришивать хвосты и усы, усыплять больных и старых, зашивать раны? – поинтересовалась я, взглянув в лицо моей жертвы.

Мои каблукки отчетливо отчитывают каждый мой шаг. Че-

рез пять минут мы будем в номере моего отеля.

– Да. Я люблю спасать жизни. – Адам скромно улыбнулся и перевел взгляд на свои ботинки.

«А я – забирать» – с мрачной усмешкой подумала я.

– Ты боишься крови? – вдруг спросил он.

– Хм, дай подумать. – Я приложила палец к губам и нахмурила лоб, колеблясь – сказать ему правду? Или оставаться в игре?

– Большинство девушек боятся крови. Поэтому мне так трудно найти себе ассистентку. – Вдруг не дождавшись моего ответа, сказал Адам. – Одна из них уволилась прямо во время операции. Тяжелый случай. Кота порвала стая собак, по частям собирали. А хозяйка рыдала в коридоре. И тут Нэнси выбежала из операционной и не вернулась. Мне пришлось делать все самому. Ужасный день.

– Дура. И ей не было жалко котика? – Задумчиво пробормотала я, отворачивая от него лицо.

Отличный разговор. Я веду этого остолопа в отель, чтобы развлечься с ним, а он рассказывает мне про кота и его рыдающую хозяйку! Мило.

– Знаю, не лучший рассказ, правда? – словно прочитав мои мысли, усмехнулся Адам. – Прости.

Я с интересом взглянула на него. И мне вдруг показалось, что этот Адам – совсем не то, что я люблю использовать. Неужели он хороший парень? Черт.

– Да, – честно ответила я.

– Я и в клубы очень редко хожу. Не люблю весь этот шум. Но сегодня была очень сложная операция. Пришлось зашивать... Прости, я опять туда же...

– Черт, – пробормотала я.

Да. Именно так. Он – хороший парень. Как не повезло!

– Мне нужно было забыть эту картину. Хоть ненадолго. Я люблю свою работу, но иногда мне хочется, чтобы она исчезла, – тихо сказал Адам.

– Я понимаю. – Я пристально смотрела в его уставшее лицо. – Поэтому ты проведешь меня до отеля и пойдешь домой спать.

Мне стало не по себе. Я не могла использовать его. Он был так непохож на меня. Слишком хорош. Слишком.

– Да, как тебе удобно. Но ты... Ты оставишь мне свой номер? – с надеждой в голосе спросил он.

Даже не спросил, почему. Почему я пригласила его в номер отеля, а сейчас говорю «нет». Одуванчик. Голубь. Впервые за все годы моего разврата со смертными.

– Прости. Нет. Я просто хотела поиметь тебя, – честно ответила я. Адам усмехнулся. Я провела указательным пальцем по его щеке. – Но я не могу так поступить с тобой, мальчик. Ты просто чудо. А я грязная грешница.

– Я так не думаю. Но даже если это и так, это не имеет значения. Ты мне нравишься. Очень. Поэтому я пошел за тобой.

Его честность причиняла мне лишь боль: с каждым его

словом он становился чище, светлее, почти таким же чистым и невинным, как Миша. А я – утопала в своем разврате. Бездне своей похоти. Покрывалась стигматами богохульства.

– Я обычная распутница, Адам. А ты – ты, наверно, единственное светлое пятно в моей дерьмовой жизни. Дальше я пойду одна. Иди домой.

– Нет, я доведу тебя до отеля. Ради твоей безопасности. Не отказывайся.

Я улыбнулась. Ради моей безопасности! Как же он все-таки мил!

– Ты просто прелесть. Хорошо. Пойдем.

Мы молча дошли до моего отеля.

– Прощай, Адам. Удачи в твоём благом деле. – Я потянулась к его лицу и поцеловала его в щеку. Агнец Божий. Адам.

– Спасибо за прекрасный вечер, Мария. Если ты позволишь, я бы хотел поцеловать твою руку. – Он скромно улыбнулся и протянул мне руку. Я подала ему свою. Его губы прикоснулись к моей ледяной коже.

– Иди в отель. Ты замерзла, – сказал Адам.

– Спокойной ночи, – мило улыбнулась я. – И какое же у тебя красивое имя.

– Библейское. Как и твое.

Мы разошлись. Как ни странно, я чувствовала себя хорошо. Несмотря на то, что мой план сорвался, Адам превратил этот вечер во что-то возвышенное.

Но при этом, я желала лишь одного – погрузиться с голо-

вой в ванну, полную воды, и не дышать. Просто лежать на дне, как труп. Это была не я. Кто-то другой.

Восемь ноль семь. Вечер.

Я знала, что Брэндон уже здесь: окна моего люкса выходили прямо на дорогу. Его черный «Бентли» стоял, припаркованный на парковке для гостей. Такой же хищный и лощеный, как его хозяин. Брэндон помешан на «Бентли».

Он ждал меня в ресторане. Но я не торопилась появляться. Пусть ждет, как дети ждут Рождества. Если Грейсону нужна его покупка, он будет ждать столько, сколько я соизволю не показываться. Это мой каприз. Черт. Кого я обманываю. Себя? Нет, это – нежелание видеть Брэндона, разговаривать с ним, сидеть с ним за одним столом. Мой страх. Я была напугана. Быть наедине с ним. Пытаться оставаться холодной и ироничной, в то время, как в моей душе горел костер, сжигающий все вокруг.

Я взглянула в зеркало: большое, идеальное, ровное. Мое отражение. Тоже идеальное.

Но нет. Я не объята тем пламенем, что жжет меня внутри. Я спокойна. Лишь мои губы сжаты плотнее обычного. Я поправила жемчужный браслет на левой руке, провела пальцами по контуру своего лица. Волосы лежат в идеальном порядке. Такие красивые, ухоженные, блестящие. Завиваются,

как морские волны. Лежат водопадом, закрывая своей роскошью мою узкую спину. Обтягивающая черная юбка, на ладонь выше колена. Полупрозрачная белая рубашка с зауженными рукавами. Три четверти. Через ткань можно увидеть мой красивый белый лифчик. Новые, сегодня купленные белые туфли на высоком толстом каблуке. Я похожа на секретаршу. Ангелоподобную, дьявольски-соблазнительную, коварно-прекрасную секретаршу.

Нет. Я никогда не буду подчиненной. Моя роль – командовать. Всегда. Жизнью. Смертью. Покоем. Чувствами. Но, увы, не своими. Чужими. Со своими я вела упорную кровопролитную, изнуряющую войну. И пока что, уже столько лет, они побеждали.

Пора.

Захватив синий кожаный клатч, я медленно направилась к двери. Затем – прогулка до лифта. Минута в лифте, длившаяся как вечность. И вот, я появилась в огромном светлом фойе, как ангел господень перед грешниками. Я – холодна, как вырезанный из белоснежного мрамора падший ангел, сторожащий могилу прекрасной принцессы. Я и сама принцесса. Мадонна.

Но с каждым шагом, приближающим меня к отдаленному столику, за которым сидел Брэндон, меня все больше охватывало неприятное, жуткое, неудобное чувство. Ненависть. Страх. Презрение. Моя кровь полна этим ядом. Но я твердо, красиво, медленно шла вперед. Я не остановлюсь ни перед

чем. Ни перед кем. Особенно, перед ним.

Я, и только я правлю балом. А он – всего лишь гость.

«Отдай ему флешку и уходи» – вдруг пронеслось в моей голове. Голос разума. Или страха. Или моего сумасшествия.

Брэндон смотрит на меня с белозубой улыбкой. И она так обезоруживает. Он не часто появляется в свете без пиджака. Пиджак – это он. Он – это извечный строгий элегантный пиджак. Но сегодня на этом англичанине лишь белая рубашка. Классика. Нет галстука. Темно-синие узкие брюки. Черные блестящие ботинки. Темные волосы лежат один к одному. Широкие красивые брови. И ледяные, пронизывающие насквозь голубые глаза.

Один из наших общих друзей однажды отозвался о Грейсоне «мистер элегантный извращенец», конечно, после того, как Брэндон так открыто стал спать со смертными женщинами. Да. Всегда элегантен. Притягателен. Извращенец. Как и я.

– Как всегда прекрасна и смертельно обманчива. – Было его первыми словами. Вместо приветствия. – Но я удивлен. Ожидал увидеть тебя почти без одежды.

Я насмешливо усмехнулась. Но...

Его слова пронзили мой разум. Мою гордость.

Брэндон, этот подлец только что ткнул меня носом в мое «дерьмо». Мой откровенный стиль в одежде. Мой «откровенно дешевый вкус», как говорила моя сестра Маришка. Если бы эту фразу сказала она – мне было бы плевать. Но это

были его слова. Он считает меня пошлой. Дешевой.

Плевать. На него и его мнение.

– Я умею удивлять. Как видишь, – с иронией ответила я, присаживаясь за столик, напротив Брэндона. – Но мне не сравниться с тобой, мистер «Я никогда не снимаю пиджак».

Он усмехнулся.

– Ты великолепна. – Он сделал жест официанту, и тот заторопился к нашему столику.

– Ты тоже, – мило улыбнулась я. – Но давай сразу к сделке.

– Не торопись. Я хочу поужинать с тобой.

Я прищурила глаза.

Брэндон хочет поужинать со мной? Или мой слух обманывает меня?

Зачем ему это? С какой целью? Что ему от меня нужно?

Эти и еще тысячи вопросов вихрем пронеслись в моем разуме.

– С чего вдруг такая честь? – Я выдавила из себя смешок, который, к счастью, прозвучал правдоподобно.

– Люблю проводить время с красивыми женщинами. – Брэндон хищно улыбнулся. – А ты, Мария, – самая красивая женщина, которую я когда-либо встречал.

Я театрально закатила глаза. А мое сердце вздрогнуло.

– Сколько комплиментов за всего лишь пару минут. Да ты сегодня в ударе! – насмешливо сказала я, а затем обратилась к подошедшему официанту. – Кристалл, пожалуйста.

– Отличной выбор, мисс. Прекрасное шампанское для

прекрасной дамы, – улыбнулся официант. На нем – строгая черная форма. Хорош.

– Бутылку Dalmoge 50, – сказал Брэндон.

– Продешевил, – улыбнулась я.

– Возможно, – улыбнулся в ответ он.

Вдруг меня поразило осознание того, как спокойно и вольготно я веду себя с ним. Как будто это был не он, а кто-то другой. Близкий друг. Все, что я чувствовала по дороге в ресторан, – вдруг исчезло.

Но через миг, когда мой взгляд встретился с его взглядом, меня пронзило острое чувство ненависти. Я была безоружна перед ним. Моя душа завопила от желания уязвить его.

Официант ушел.

– Кстати, о красивых женщинах. Скажи мне, ценитель смертного девичьего тела: скольких ты уже успел перепробовать? – как бы невзначай, бросила я, положив свой клатч на круглый стол, покрытый белоснежной, идеально ровной, без единой складки скатертью.

– Я просто имею их. А затем они уходят. – Брэндон сказал это таким тоном, будто говорил о чем-то несущественном, совершенно обыденном. – С чего вдруг такой интерес к моей личной жизни, Мария?

– Банальный интерес: весь наш мир только и обсуждает это. Но тебе, я вижу, совершенно все равно, не правда ли? –
Мое лицо озарила насмешливая улыбка.

– Знаешь, для меня авторитетно мнение лишь одной пер-

соны. И это – я. – Он чарующе улыбнулся. – К тому же не я один нахожу смертных довольно-таки привлекательными, не так ли?

Мои губы растянулись в фальшивой улыбке.

Официант принес нам наши напитки, которые мы, естественно, даже не пригубим.

– Это прекрасно, – выдавила я, когда официант ушел, но прямой взгляд ледяных глаз моего собеседника заставил меня устремить свой взор на мой клатч. – Итак, о деле. – Я взяла клатч в руки, расстегнула молнию, вытащила маленькую красную флешку и протянула ее Брэндону, и он забрал ее.

Брэндон пристально взглянул на меня.

– Где был сделан этот снимок и когда? – поинтересовался он.

– Десять лет назад. В Праге. Эта девушка показалась мне живописной, и я решила щелкнуть ее. Не думала, что тебя так завлечет фотография какой-то смертной, – сладким тоном ответила ему я.

– Мне не нужна эта фотография. Мне нужно кое-что другое.

Я криво усмехнулась. Мне показалось, что в его фразе было что-то странное. Как признание.

«Кое-что другое». Если ему не нужна эта фотография, как произведение искусства, значит ли, что он выкупил ее лишь потому, что ее сделала я?

Нет. Не может быть.

– Честно говоря, меня мало интересуют твои мотивы, Брэндон. Но, раз мы закончили, я покидаю тебя. – Я поднялась со стула, небрежно перекинула волосы через плечо и взяла свой клатч.

– И именно по причине твоего равнодушия, ты позвонила мне с этим вопросом?

– О, ты ужасно заинтриговал меня. Но не сегодня.

– Я бы не был так уверен.

– А может, тебе просто нравится сомневаться в моем равнодушии? – сладко сказала я.

– Это – единственный экземпляр? – вдруг холодным тоном спросил Брэндон.

– Да.

– А где фото, которое ты показывала Аттику?

– У него. Как и договаривались. Пока, Брэндон. С тобой приятно вести бизнес. – Я игриво подмигнула ему и медленно, красиво и плавно пошла вон из ресторана.

Лишь выйдя из отеля, я позволила себе зажмурить глаза. На пару секунд. Прогоняя этот разговор. Эту встречу.

Он знает. Обо мне. Знает мою тайну.

Но он отреагировал совершенно равнодушно. Можно вздохнуть свободно.

И все же. То, что меня видели со смертными двое свидетелей – настораживает. Двое? А может, больше? Черт. Нужно быть осторожней.

Пять минут. Каких-то пять минут, но это было вечностью.

Вон! Вон отсюда!

«Мне нужен Адам» – подумала я.

Но в этот раз, если я все же найду его... Я убью его. Убью его светлый облик.

Мне нужно было убить.

Убить. Что-то чистое. Светлое.

Адам.

Но в тот вечер я не нашла его.

Вернувшись в отель, опустошенная, злая и нервная, я позвонила в аэропорт, чтобы купить билеты.

Бежать. Из этого города, где властвует Брэндон Эйвери Грейсон.

Но, сжимая телефон, сидя в кресле, в своем дорогом люксе, я поняла. Меня постигла истина: мне не к кому лететь.

Миша с Фредриком, и он будет не рад видеть меня.

Родители. Нет. У них – своя жизнь.

Маришка и Маркус... Да, ха-ха-ха! Еще бы!

Мсцислав... Я даже не знаю, где он сейчас и чем занимается.

Мартин.

Я набрала номер старшего брата. Он ответил через четыре секунды. Я считала.

– Я лечу к тебе. Сегодняшним ночным рейсом. Где ты? Встреть меня в аэропорту.

Через минуту был куплен ночной рейс до Гданьска. В один конец.

Глава 6

Около часа ночи.

Я и Мартин сидим на деревянной скамье, обращенной к морю, с видом на узкий, но живописный залив, полный кораблей, старых на вид яхт и лодок. На другой стороне залива, с которой связывает нас широкий вымощенный мост, сияют ярко-красные светящиеся буквы рекламы, расположенные у крыши невысокого здания. В темной воде отражаются огни набережной. Безжизненный свет фонарей. Тихий шум, производимый немногочисленными, оставшимися здесь в позднее время смертными, блекнет на фоне красоты этого вечера. Шум волн ласкает слух. Где-то на другой улице играет уличный музыкант, зарабатывая себе на жизнь пением и игрой на гитаре. Но у него хороший голос. Сильный. Твердый. Приятно слушать его в дуэте с плеском моря.

Мартин встретил меня в аэропорту. Но останавливаться в его квартире я не стала. Заехала в ближайший отель, так как в этот раз мне было абсолютно наплевать, где и в каких условиях я проведу те немногие часы, когда буду приходить в свой номер лишь за тем, чтобы сменить одежду.

Час ночи, а я сижу в центре старого польского города и смотрю на залив.

Разве это я? Всего пару дней назад я даже не представляла себе, как смогу провести ночь вот так. Просто сидя на ска-

мье. Рядом с братом.

Мы молчим. Мартин, мой дорогой брат, всегда понимал меня, как никто. Только с ним я могу быть собой. На сто процентов. С Мишей – на шестьдесят, ведь она не должна знать меня такой, какая я есть. С родителями – может, на семьдесят пять. С Маришкой и Мсциславом – на восемьдесят. Нет. Семьдесят девять. Когда я была с Фредриком то позволяла себе быть девяносто процентной собой. Только Мартин знал меня от и до. Только с ним я могла по-настоящему расслабиться, открыть все стороны моего многогранного характера. Отдохнуть от ущемления своей натуры во имя других. Он не спросил меня, почему и зачем я приехала. Просто встретил в аэропорту и довез до отеля. Мы договорились о встрече и расстались.

Встретились. Сидим. Молчим. Он ничего не спрашивает. И это прекрасно. Я не смогла бы сейчас лгать. Ни ему, ни себе. Но я не хочу, чтобы кто-то, даже Мартин, знал о том, что я скрываю. Это слишком унижительно. Мой позор и моя гибель.

Но, может, мне стоит попытаться? Рассказать ему обо всем? Возможно, мне станет легче нести этот груз, если я поделюсь им с Мартином.

– Давно разговаривал с родителями? – наконец, нарушила я наше уютное молчание.

– Пару дней назад. У тебя будет выставка? – Мартин вольготно откинулся на спинку скамьи и посмотрел на меня.

Я не сомневалась в том, что он уже был осведомлен. Впрочем, как и все Мрочеки. Весь клан.

– Да. Через три недели. Я хочу видеть тебя на открытии. – Я обернулась к нему всем корпусом, подобрав одну ногу под себя. Благо, на мне были джинсы и кеды.

Кеды. Тревожный знак. Я не терплю спортивную обувь и обувь без каблука. Но сегодня мне было так тошно оттого, что произошло в Лондоне, что моя душа требовала перемен. И я купила кеды. В ближайшем магазине. За семьдесят злотых. Самые обычные черные кеды с длинными черными шнурками, которые я спрятала внутрь.

Но кеды – не самое страшное. Свершилось нечто более пугающе: сегодня на мне не было ни грамма макияжа. Я наношу макияж даже, когда не выхожу на улицу. Такие дни бывают – когда я усиленно занята своей работой, требующей использование фотошопа. А сегодня я была похожа на подростка. В кедах, джинсах, клетчатой красной рубашке.

Как только Мартин не подтрунивает надо мной? Наверное, деликатничает и делает вид, будто не замечает этого диссонанса. Да и сам он отличается от того Мартина, который вечно сидит в офисе. Сидел. Теперь он живет в этом маленьком городке, где открыл небольшой ресторан с восточно-европейской кухней. Поэтому сейчас он выглядит как рядовой, но слишком красивый смертный. Серые джинсы, белая футболка с надписью «Greetings from Gdansk», белые кроссовки. Не отличишь от смертного студента. Единственное, что

отличало меня и Мартина от окружающих нас смертных – отсутствие осенних курток или свитеров, или чего-либо, чем можно уберечь себя от холодной сентябрьской ночи. Безветренной и светлой. Но светлой не благодаря луне – она пряталась за облаками. Это был мертвый свет фонарей.

– Где ты купил эту футболку? – усмехнулась я, оттянув ворот его футболки.

– Рядом с моим рестораном расположен сувенирный магазин. А, что хочешь такую же? – тоже с усмешкой ответил Мартин.

– Раскусил. Мечтаю о такой всю жизнь! – Я коротко рассмеялась. – Так что, ты приедешь?

– Не уверен. Мне нужно проверить расписание. Минуту. – Мартин достал из кармана джинс свой айфон. – Точная дата открытия уже оглашена?

– Десятое октября.

– Черт, я занят. Встреча с японским предпринимателем, – вздохнул Мартин, пряча айфон обратно в карман. – Как, насчет, перенести дату открытия?

– Думаю, тебе будет намного легче перенести встречу с японцем, чем мне – дату открытия. И что же тебе так от него нужно? – слегка раздраженно спросила я. Присутствие Мартина на открытии моей выставки мне было просто необходимо. Как кровь.

– Хочу открыть сеть заведений с польской кухней.

– Где?

– В Осаке и Нагои.

– Почему не в Токио? – поинтересовалась я.

– Чуть позже, если бизнес будет приносить хорошую прибыль. – Мартин довольно улыбнулся. – Но для друзей и родных все за мой счет.

– Что ж, тогда тот факт, что мы не едим их пищу – как раз тебе на руку. Представь, кучу Мрочеков и Морганов, объедающих тебя в три глотки каждый! – усмехнулась я. – Но ты меня расстроил, очень расстроил, Мартин.

– Прости. Эта встреча была запланирована еще два месяца назад, – извиняющимся тоном сказал мой брат. – Кстати, когда ты шла сюда, никто из подростков не просил номер твоего телефона? Не приняли тебя за свою?

«Ну вот, спросил-таки!» – насмешливо подумала я.

– Ахахах, как смешно! – Я слегка ударила его по плечу, а он, явно довольный своей шуткой, улыбался во весь рот. – А в тебя, наверно, влюблены все здешние старшеклассницы и студентки?

– Ну, не нужно так преувеличивать. Не все. Но мне частенько строят глазки. – Мартин умиленно заморгал глазами, пародируя тех несчастных. – Я никогда не спрашивал тебя раньше, но каков твой лимит на возраст?

Возраст жертвы.

Я задумалась, но не смогла определить точную цифру.

– А у тебя? – вместо ответа спросила я.

– Двадцать шесть.

– Так остро?

– Самое то – все еще молодое, но почти выдержанное.

– И что, прежде чем пить вино, ты прямо так и спрашиваешь: «Не сочтите за дерзость, любезный, огласите, будьте милостивы, свой возраст»? – с иронией спросила я.

– Очень редко. Но бывает. Ошибся лишь пару раз, но всего на год или два.

– С кем ты предпочитаешь пить?

– Я не сексист. Если вино достойно внимания, то к чему это? Но ты не ответила.

– Честно говоря, я даже не знаю. Я не спрашиваю их возраст, если только сами не говорят. Но со школьниками и студентами я не вожусь. Значит, где-то двадцать пять... Или, черт, вполне возможно, что я пила вино и со студентами, если они нарочно обманывали меня. Но это уже не моя вина. – Я пожала плечами и скрестила руки на груди. – Знаешь, кто спонсирует мою выставку? Брэндон.

– О, боги! За это ему низкий поклон и всех благ! – Мартин театрально захлопал в ладоши. Он вообще любил дурачиться. – А если серьезно, то я слышал, он самоотверженно занимается благотворительностью. Так же самоотверженно, как имеет смертных женщин.

– Пусть имеет, это его выбор. Или ты ему завидуешь? – пошутила я.

– О да, я полон зависти! Как мне теперь жить, зная, что за свои годы я ни разу не ласкал смертных девчонок? – Мартин

наигранно вздохнул. – Вся моя жизнь идет коту под хвост! Сегодня же подцеплю кого-нибудь, обещаю.

«Ты никогда этого не сделаешь, мой дорогой. Я знаю тебя как свои пять пальцев. Только шутить ты и умеешь» – с милой улыбкой подумала я, прекрасно понимая, что его слова – всего лишь блеф. Ведь он презирает смертных. Как и я. Но я любила играть с ними, а Мартин такую игру считал извращением. Но если Брэндона и его страсть к смертным женщинам он находил смешной, то меня и мою страсть к ним он принимал. Естественно, ведь я – его сестра, и он любит меня, чем бы я ни занималась. Мой дорогой старший брат.

– А вот и луна, – тихо сказала я, подняв взор в небо.

Луна медленно выскользнула из-за стада темных, почти черных облаков и разлила свой божественный мягкий свет на землю. На Гданьск. На Мартина. На меня.

– Светила бы она вечно, моей благодарности не было бы предела. – Мартин тоже посмотрел на небо. – Какая красавица. Жаль, что неполная.

Мы с минуту молча созерцали бледный лик луны. В эту минуту умерло все: шум, море, люди, музыка. Лишь луна была жива. Ласкала меня, утешала. Будто гладила по щеке и шептала: «Будь сильной. Я всегда с тобой».

Что ж, луна, ты права. Я должна сказать Мартину. Ты дала мне силы.

Я взглянула на брата: он продолжал любоваться луной, и она отражалась в его глазах.

– Мартин, я должна сказать тебе кое-что. – Я тронула его за руку. Он перевел взгляд на меня. – Очень важное. Но это так трудно... Я ношу в себе эту тайну так давно...

– Что? – Он сжал мою ладонь, словно подбадривая меня.

Я открыла рот, чтобы наконец-то избавиться от своей тайны, выплеснуть эту ношу на брата. Поделиться самым сокровенным.

– Ты помнишь, на свадьбе Маришки... Было столько гостей, – тихо начала я.

– Да. Почти все наши.

– И... – Мой язык заплелся, а горло сдавило. – И я хотела переспать с Седриком.

– Только не говори, что ты влюбилась в него, – с полу насмешливой улыбкой бросил Мартин.

– Что? Нет! – Я даже рассмеялась от его догадки. – Но он был так... – Я вздохнула, вспоминая тот момент, когда увидела Седрика в тот день. – Божество на земле. Я захотела его, Мартин, понимаешь? А ведь он – почти мой брат.

– И это тебя смущает? Все восемь лет? – Мартин коротко рассмеялся. Довольно благодушным смехом.

– Но разве это – не верх извращения? – удивилась я его реакции.

Я считала, что он должен отбросить от себя мою руку, вскочить со скамейки и с криком «Мразь!» уйти куда глаза глядят. А он смеялся.

– Милая моя, Седрик – всего лишь брат мужа твоей сест-

ры. И не больше. И, если ты с ним пересподишь, никто не посчитает это извращением. И это – тайна века, которую ты мне обещала? – Он все еще посмеивался.

Я не смогла сдержать смех.

Да! Обещала!

Но моя главная тайна осталась при мне.

Я не смогла. Никто не должен знать. Никогда.

– Разве моя тайна не достойна твоего внимания? – иронично улыбнулась я.

Ложь. Отвратительная, гадкая, грязная ложь. Смятение. Стыд.

– Конечно, достойна. Но это нельзя назвать тайной. Но и постыдным тоже. Однажды я захотел Крестину Ванини, и это при том, что она замужем за одним из моих друзей.

– И что?

– И ничего. Я думаю, это было обычной влюбленностью, как было у тебя с Фредриком. А сейчас Крестину я вообще как женщину не воспринимаю. Она – часть Энтони. И все. – Мартин взял мои ладони в свои и с усмешкой взглянул в мое лицо. – Как ты думаешь, мы будем такими же, когда полюбим? Такими, как Маришка и Маркус? Миша и Фредрик? Наши родители?

– Такими же смешными, ты имеешь в виду? – бросила я и вздохнула. – Не знаю... Но я надеюсь, что этот день никогда не наступит. А ты?

– Я столько лет обхожусь без любви, что она перестала

быть для меня чем-то возвышенным. – Мартин скорчил гримасу. – Но, как показывает куча примеров, когда-то мы станем сверхчувствительными идиотами. Да простят мне мама и папа.

– Какого ты высокого мнения о Мише и Маришке! – усмехнулась я.

– Ладно, Маришка – образец благоразумия. Но Миша...

– Что Миша? Предупреждаю – не смей говорить плохо о нашей младшей сестренке, обличитель ты эдакий!

– Я и не собираюсь. Но ее поведение вряд ли можно назвать, так сказать, разумным. Если Фредрик решит жить на Марсе – она полетит с ним. Разве это – правильно? Идти на поводу у другого, даже если любишь его. Не могу понять этого.

– Только ты забыл, что Маришке – не двадцать семь, как Мише. Через двести лет Миша будет такой же благоразумной, вот увидишь. Но, надеюсь, не такой ханжой как Маришка. – Я насмешливо усмехнулась.

– Никак не привыкну к тому, что вы так горячо «любите» друг друга, – со смешком сказал мой брат. – Итак, на данный момент в клане Мрочеков остались только три здравомыслящих персоны: я, ты и Мсцислав. Все остальные либо влюблены, либо несчастны, либо замужем или женаты.

Слова Мартина рассмешили меня. Если бы он только знал! Если бы он только знал, что не трое, а двое!

– Голодная? – вдруг спросил Мартин.

– Не прочь выпить вина. Но не больше двадцатишестилетней выдержки, – подмигнула ему я.

– Я знаю прекрасное место. Пойдем.

Мы поднялись со скамейки и направились из старого города в один из неблагоприятных районов, где-то на окраине Гданьска.

Мартин был прав. Отличное место для охоты.

В четыре утра мы расстались, сытые и довольные.

Я вернулась в свой номер и, упав в кровать, лихорадочно обдумывала слова Мартина, которые крутились в моей голове, как заевшая пластинка.

«Идти на поводу у другого, даже если любишь его».

Со мной это никогда не случится. Клянусь себе. Пасть так низко могут другие, но не я.

– Как насчет караоке-бара?

– Не смехи.

– Я частенько там бываю.

– О, боги, Мартин, у тебя ведь совсем нет слуха.

– Ты ничего не понимаешь в музыке.

– По-моему, в нашей семье умеет петь только Миша.

– И я.

– Как же сильно ты себя любишь.

– Пойдем. Споешь что-нибудь.

– Нет уж, увольте.

– Все, возражения и отказ не принимаются.

– Отцепись уже от меня!

– Боишься публики?

Мартин точно издевался надо мной. Караоке-бар! Спеть!

Я даже не помню, когда в последний раз слушала музыку, а он предлагает мне спеть! Хм. В последний раз я пела, когда мне было 7, для бабушки и дедушки. Рождественскую песенку.

– Ничего я не боюсь! Но на «слабо» ты меня не возьмешь! Мы – не дети, и на это я не поведусь! – насмешливо ответила я на вопрос Мартина.

– Все так говорят. Трусишка! – Мартин обвил рукой мои плечи и потащил меня по людной улице, сквозь вечерние фонари, в какое-то жуткое полуподвальное помещение. Мы остановились перед черной железной дверью.

– Хорошо, что ты сегодня при параде, иначе тебя отправили бы домой, к родителям, – шутливо сказал мне брат.

– Ха-ха-ха! – имитировала я смех.

Но он был прав. Сегодня на мне был полный вечерний макияж, платье, каблуки и черная кожаная куртка.

– Я буду петь, а ты завидуй. – Мартин нажал на расположенный на желтой стене круглый звонок, и через восемь секунд дверь открылась. На пороге появилась женщина среднего возраста. С тоннелями в ушах, длинными синими волосами и выбритыми висками.

– А вот и наша звезда! Хай, Мартин! – приветливо сказала она грубым прокуреным голосом.

Мартин подмигнул ей.

– Черт, ты как всегда, шикарна! – тоже приветливо ответил ей Мартин.

– А это кто с тобой? – Женщина с любопытством взглянула на меня.

– Это моя сестра, Грю. Она будет зажигать сегодня. – Мартин хлопнул ее по плечу, как какого-то мужика.

Вот это фамильярность со смертными!

– Крошка, у тебя есть с собой id или паспорт? – обратилась ко мне эта «подруга» Мартина. – Шикарная у тебя сестренка, Мартин.

– О, боги, – насмешливо шепнула я, а затем негромко кашлянула. – Я бы с удовольствием показала свой паспорт, но ваша звезда не сказал мне о том, что он может мне понадобиться.

– Прости, из головы выпало, – сказал мне Мартин. – Я так часто здесь бываю, что меня уже давно не проверяют. – Грю, – обратился он к своей «подруге», – Она уже давно совершеннолетняя.

– Я слышу это каждый день по двести раз. Крошка, сколько тебе?

– Двадцать пять, – ответила я. – Честно.

– Грю, я не стал бы тебе врать, правда, – настойчиво сказал Мартин. – Ты же меня знаешь!

– Ну, хорошо, красавчик, только ради тебя. Проходи, крошка. – Грю отошла в сторонку, предоставив нам проход внутрь.

– Ты чудо, Грю. – Мартин чмокнул ее в щеку.

– Только сегодня караоке не будет. У нас концерт, – отмахнулась от него Грю.

– Вот черт! А я так хотел спеть «Bad» Джексона! Кто выступает?

– Moonlight, – ответила Грю, идя следом за нами.

– Они же давно распались... И почему никто даже не заикнулся, что они буду выступать? Грю, я повесился бы, если бы не попал на этот концерт! – с жаром воскликнул Мартин.

– Дорогуша, ты сам виноват! Давно не приходил и не следил за афишей! – рассмеялась Грю.

– В первый раз о них слышу, – сказала я брату. – Что за группа?

Но Мартин словно не слышал меня.

– Они решили дать три концерта, и нам сегодня очень повезло. А вообще билет стоит двести злотых. Копейки! – сообщила нам женщина.

– Мы заплатим. – Мартин резко остановился и достал из кармана своей черной куртки портмоне. – Вот, за меня и сестру. – И он попытался впихнуть купюры в руки Грю.

– Вот еще! Оставь себе. Просто проходите.

– Нет уж. Мне нравятся их песни, и я не хочу лишать их честного заработка!

Грю нехотя взяла у него деньги.

– Какой ты, однако, благородный, – шутя, заметила я, когда мы продолжили свой путь. – Что они играют?

– Рок. – Кажется, Мартин был всерьез взволнован событием. – Как повезло! Уже и не надеялся увидеть их концерт еще раз!

– Так ты и на концертах их бывал? Автограф на заднице получил? – забавлялась я: Мартин был слегка смешон.

– Нет, но сегодня обязательно! А тебе попросим расписаться на груди! – с энтузиазмом ответил на это мой брат.

Мы пришли в большой широкий зал. Несмотря на то, что зал располагался под землей, на нулевом этаже, потолки его были высокими. Вот и прекрасно. Ненавижу помещения с низкими потолками – они просто давят на психику.

– Ну и народу сегодня! – заметил Мартин.

– Прямо как встреча с Папой Римским! – поддакнула я. Как мне нравилось шутить над ним!

Но Мартин не обращал на меня внимания, а усиленно работал плечами, пробивая нам дорогу к сцене, со словами: «Пардон», «Извини, приятель», «Прости крошка» и «Дорогу самым большим фанатам!».

– Да ты профессионал! – похвалила я брата.

Теперь мы стояли у самой сцены.

Сцена была небольшая, но, как мне показалось, довольно просторная, если не пускать на нее балет. Стойка с микрофоном, электро-гитара, бас, ударная установка, синтезатор. Не

хватало только тех, ради кого пришла вся эта шумная толпа людей.

– Это еще что! Я вот, что умею! – Мартин засунул два пальца в рот и громко пронзительно засвистел. Я залилась смехом. Ах, мой брат! Какие таланты он скрывал от меня!

– Хлопай как можно громче и кричи, как сумасшедшая! – сказал он мне. – Исполнителям это приятно!

– Что кричать? – послушно спросила я.

– Что хочешь!

– Верните деньги? – пошутила я, начиная громко и часто хлопать в ладони.

– Если ты это крикнешь, я сам закрою тебе рот и вытолкну за дверь! – со счастливой улыбкой ответил Мартин, хлопая, как ненормальный.

Толпа словно заразилась его энергией, и через минуту шум в зале стоял такой, что мне показалась, моя голова разорвется.

– У-ху! – тоже крикнула я и рассмеялась.

Надо же: я – в Гданьске. На рок-концерте! С Мартином!

Наверно, это была лучшая идея в моей жизни – приехать сюда! Попробовать что-то, чего я никогда не делала. Не была на концертах и не кричала, как резанная. Но сегодня мне нравилось быть такой – фанаткой. Нравилось эта атмосфера, энергия толпы, нравилось быть свободной от своих привычек.

– Идут! – раздался громкий истерический женский крик,

и шум поднялся еще выше.

На сцену вышли четверо мужчин и одна женщина. Мужчины были одеты в темные футболки и джинсы, совершенно не похожие на классических рокеров. Женщина, как я догадалась – фронтвумен, имела интересную притягательную внешность: выразительные черты лица, длинные прямые черные волосы. Голубые тени на глазах и темно-бордовая помада. На ней были джинсы и черная кофта. Вот и все.

«И это по ним так сходит с ума Мартин?» – насмешливо подумала я, но продолжала хлопать, как заводная обезьянка.

– Добрый вечер! – приветливо сказала фронтвумен, подойдя к микрофону, и толпа фанатов тут же откликнулась новой волной шума и рукоплесканий. – Мы давно не выступали вместе, но сегодня – первый из наших трех концертов по родной Польше. А все началось с того, что мы случайно встретились на одном из рок-фестивалей и решили порадовать наших фанатов...

– Слава Богу! – раздался громкий мужской крик, отчего и толпа, и музыканты тут же рассмеялись.

– И сегодня мы надеемся, что вы проведете с нами отличный вечер! Не стесняйтесь подпевать! – со смехом сказала фронтвумен. – Начнем же!

Толпа радостно завизжала.

– Черт, мне уже нравится! – сказала я Мартину.

– Это только начало, сестренка! – ответил он мне.

Шум стоял такой, что фронтвумен пришлось поднять ру-

ку, чтобы заставить фанатов замолчать. И когда настала относительная тишина, она запела.

Да, это было мимолетно
Но это была ложь
Я видела это, только я
Потом ты исчез
А мне остался этот миг
И я пью вино, как ту ложь
Я пью вино и чувствую ее

Ее красивый мелодичный голос звучал одиноко. Наполнил собой зал. Наши сердца. Мир. И вдруг раздался рев гитар.

Когда ты смотришь на меня
Это яд, это просто яд
Как грех, к которому
Я так близка
Ведь не может родиться
Момент, которого быть не может
и быть не должно.

Я ловила каждое слово.

В одном лишь взгляде я вижу нас

Когда мы любим:
меняются образы и мысли
одинокество покидает меня
И я так уверена в себе

«Это я» – пронеслось в моей голове.

Я думаю, ты – просто сон,
Ибо этот сон так горяч
Но, Боже, я вижу, что это
Лишь миллионы осколков меня самой

– Как называется эта песня? – спросила я Мартина.

– Табу.

Нет. Не может быть.

Мне вдруг стало горько от осознания того, что эта песня была обо мне. Выражала то, что я чувствую столько лет. Она обличала меня, знала мою тайну.

Теперь мне было совсем невесело. Мне было жутко.

Мне нужно было уйти.

Нет! Сбежать!

Сейчас же...

Я не могла больше выносить этой правды.

– Мартин! – Я схватила брата за локоть. Он взглянул на меня. – Я ухожу!

– Ты смеешься? – усмехнулся он. – Концерт только начал-

ся!

– Я не заставляю тебя идти со мной! Просто мне здесь не нравится! Я найду ночной клуб! – настойчиво сказала я, повышая голос, потому что песня подошла к концу, музыка затихла, и зал взорвался аплодисментами, криками и свистом.

– Хорошо! Созвонимся!

Я наспех чмокнула брата в щеку и с трудом направилась к выходу: люди стояли так плотно друг к другу, что мне казалось, до выхода я дойду уже без одежды.

– Крошка, ты куда? – вдруг услышала я голос Грю. Я уже достигла лестницы.

– Покурить! – коротко бросила я ей и поспешно выбежала на улицу.

В моей голове твой голос
Без конца манящий меня
Без конца...

– Хватит! Довольно! – раздраженно прошептала я и зажала уши ладонями, чтобы не слышать слов, бьющих меня в спину.

– Красавица! Перебрала? – послышалось рядом со мной. Мужской голос.

Я опустила руки и бросила недовольный взгляд на высокого парня, который вдруг возник передо мной, из ниоткуда.

– Тебе-то что? – буркнула я. Мое настроение было похо-

жим на смерч, только и ждущий снести, разрушить все вокруг меня.

– У меня здесь рядом машина. Давай подвезу, – подмигнул мне парень.

– Спасибо, но я сыта! – Я отшвырнула его в сторону, и он врезался в стену дома, у которого посмел остановить меня. Меня тут же настиг запах крови. Невкусная, пропитанная алкоголем, дерьмовая кровь.

Я быстро зашагала прочь. Хорошо, что тот несчастный смертный почти не видел моего лица – я стояла спиной к единственному светящемуся фонарю на этой грязной темной улице.

– Твою мать! – услышала я позади себя. Затем неуверенные шаги. – Охренеть, блин. Тхэквондистка что ли...

– Урод! – пробормотала я.

– Нет, тебя невозможно оставить одну!

– Мартин! – Я вздрогнула от неожиданности и становилась.

Мой брат стоял рядом.

– Почему ты не на концерте? – недовольно спросила я.

– Услышал, что какой-то кретин досадил моей младшей сестренке. – Он обернулся назад.

– Как видишь, я прекрасно справилась и без твоего вмешательства! – Даже мысль о том, что Мартин считает меня слабой, наравне со смертными женщинами, думает, что я не смогу защитить себя, оскорбила меня. До глубины моей ду-

ши. Если она у меня еще осталась.

– Я заметил. Черт, что у тебя с настроением? – Мартин обвил рукой мои плечи. – Пойдем. Посажу тебя в такси, и поедешь в клуб.

– Что-то мне перехотелось. – В этот раз я сказала правду. Единственное, что мне хотелось – запереться в своем номере и лежать в кровати, под одеялом. Целую ночь. Целый день. – Не нужно жертвовать твоим концертом. Иди. Я прекрасно доберусь до отеля.

– Так ты в отель?

– Да.

Мы шли по улице. Мои руки были скрещены на груди.

– Встретимся завтра? – предложил Мартин.

– Я позвоню. Иди на свой концерт, – отмахнулась я.

– У них перерыв на пять минут. Что-то с микрофоном.

– Так вот почему ты сейчас со мной! – рассмеялась я.

Что ж, я зря разозлилась на него!

– Да, и за эти пять минут я успею посадить тебя в такси и вернуться. Такси – прямо за углом. Поэтому мне нравятся Гданьск. Ты уже побродила по городу? – Мартин выглядел очень счастливым.

– Еще нет. Стоит? – поинтересовалась я.

– Вот сама мне и скажешь.

– Где ты оставил «Снегурочку?» – спросила я, вдруг осознав, что за эти два дня ни разу не видела автомобиль брата. Белый «Вольво». Седан. Мартин ласково называл его «Сне-

гурочка» и мыл почти каждый день. Собственноручно.

– В гараже. Пусть отдыхает, – ответил он.

– Ну да, город ведь огромен, и она, бедная, так устала! – съязвила я. – Мыл ее сегодня?

– Конечно.

– И не надоедает тебе?

– Как часто ты моешь свое авто? – ироничным тоном, вместо ответа, спросил Мартин.

– Не знаю. Раз в неделю.

– Был бы я твоим авто, так давно нашел бы более заботливого хозяина.

Мы вышли на главную дорогу, и я увидела три старых «Шкоды», прижавшихся к бордюру, под знаком такси. Рядом с ними курили трое пожилых мужчин.

– А вот и Алес. Привет, Алес! – приветливо крикнул Мартин кому-то из трех таксистов.

– Я вижу, у тебя уже своя собственная мафиозная сеть! – тихо пошутила я. – Ты что, знаешь всех и каждого, кто живет в Гданьске?

– Всех до последнего бомжа! – весело сказал на это Мартин. – Алес – отличный парень, со здоровым чувством юмора, и я всегда езжу только с ним.

– Господи, да тебе же пешком меньше минуты.

– Восемь секунд. Я засекал.

– Тогда зачем тебе Алес?

– Пытаюсь разобраться в психологии смертных.

– Доклад пишешь? – вновь рассмеялась я.

Мартин удивлял меня все больше: хоть мы очень часто созванивались, эти новости я услышала лишь сейчас.

– Нет. Мне просто скучно. Нужно же как-то развлекаться. Правда?

Я поняла, к чему он клонит: к тому, что, когда скучно мне, я сплю со смертными.

– Мартин! – Один из мужчин, лет под шестьдесят, в темных брюках, куртке-ветровке и кепке пошел нам на встречу. – Где же ты пропадал? Забыл старину Алеса?

– Дела, дела. Вот, знакомься. Это – моя сестра, – ответил мой брат, пожимая руку мужчине.

– Добрый вечер, – вежливо улыбнулась я, хотя на дворе была глубокая ночь.

– Добрый, добрый! – заулыбался Алес. – Куда вас везти?

– Сегодня – только ее, а я сам дойду, – сказал Мартин. –

Она скажет куда.

– Тогда, милости просим. Машина – не шик, но комфорт вам обеспечен. – Алес открыл переднюю дверцу своей шкоды.

– Я поеду на заднем сидении, – сказала ему я, подходя к машине.

– Как пожелаете. – И передо мной тут же открылась задняя дверца.

– Пока, Мартин. Я позвоню. Наслаждайся концертом. – Я села в машину.

– Довезу ее целой и невредимой, – сказал Алес Мартину.

– Только будь осторожен: у нее сегодня очень плохое настроение, – посоветовал ему тот. – Пока, сестренка! Увидимся!

– Как, ты сказал, называется эта группа? – спросила я, опустив стекло.

– Moonlight. Зацепила? – с хитрой улыбкой спросил Мартин.

– У вокалистки – отличный макияж, – вместо ответа бросила я. – Пока!

– Скоро увидимся, ворчунья! – И Мартин исчез за углом.

– Куда едем? – приветливо спросил меня Алес, усаживаясь в водительское кресло.

– Kobza haus, – ответила я. – Ведь такси – это подработка, так ведь?

– Хе-хе, раскусили. Вообще-то я – механик, но сын учится в Варшаве, в университете. Вот, приходится таксовать после работы. Образование нынче дорого стоит.

– Понимаю. Но Мартин, должно быть, оставляет отличные чаевые?

– Да, да, мой любимый клиент, – добродушно рассмеялся Алес. – Пристегните ремень, пожалуйста.

Мы поехали по откровенно плохой дороге, отчего я затряслась мелкой дрожью, вместе с машиной.

Как я отвыкла от плохих дорог!

Алес довез меня до отеля. Мы не разговаривали. Отлич-

ный таксист – не лезет, куда не просят. Я оставила ему очень хорошие чаевые, в долларах, которые он с благодарной улыбкой принял, что заставило улыбнуться и меня.

Что ж, делать добро – тоже интересно и приятно.

Иногда.

Журнал Elle прислал запрос на съемку.

Мои пальцы лежат на клавиатуре моего макбука.

Да или Нет.

Простой вопрос. Но я уже четыре минуты смотрю на монитор, и не знаю, что выбрать.

Глянец. Вновь этот проклятый глянец.

Я печатаю: «Благодарю за интересное предложение, но на данный момент в моем рабочем графике нет свободного времени...».

Но. Эта съемка может отвлечь меня от вечных раздумий и мыслей. От моего несчастья.

Зажимаю Backspace.

И вновь чистое поле.

«Благодарю за интересное предложение. С удовольствием...»

Backspace.

От одной лишь мысли, что после такого успеха, как первая выставка моих по-настоящему стоящих работ, мир глянца

да вновь захватит меня своими скользкими разноцветными цепкими щупальцами, мне было жутко. Я должна вырваться. Делать достойную работу. Быть достойной. А глянец тянет меня на дно своего липкого болота.

Но мой усталый разум уже увидел небольшую долгожданную передышку, которую он получит от фальшивых улыбок и броской одежды.

«Благодарю за интересное предложение. Я не могу дать ответ сейчас, мне нужно проверить свой рабочий график. Дам ответ завтра».

Отправить.

Со вздохом облегчения откидываюсь на спинку кровати. Обвожу взглядом свою большую спальню. Классика, выдержанная в светлых тонах. Ни одной интересной идеи интерьера. Занавески цвета кофе с молоком – слишком светлые, из тонкого шелка, и солнце будет пробиваться сквозь них. Обличать меня. Нужно будет позвонить на ресепшн и потребовать заменить их темными, желательнее черными и плотными, пусть и более дешевыми.

Но сегодня целый день идет дождь.

Я сижу в кровати, и мои колени прикрыты одеялом. Мне уютно.

Закрываю глаза и пытаюсь прогнать из головы все мысли. Не думать. Ни о чем не думать. Заблокировать шум других жителей отеля и улицы. Слушать дождь и вдыхать его аромат.

Когда ты смотришь на меня
Это яд, это просто яд
Как грех, к которому
Я так близка
Ведь не может родиться
Момент, которого быть не может
и быть не должно.

Эти строки ворвались в мой мозг.

– Не может и быть не должно, – тихо повторила я. – Не может и быть не должно. Не должно. Не может и не должно.

Прочь! Прочь из моей головы!

Я в бешенстве вскочила с кровати и пошла в ванную. Мне нужно было убежать от себя. Сейчас же. Прекрасный повод осмотреть город и дать отчет Мартину.

На улице дождь. Довольно сильный. Должно быть, холодный. У меня нет зонта.

Я быстро надела джинсы, носки, футболку, кеды, – и выбежала из своего номера, даже не закрыв его. Быстро спустилась по лестнице на первый этаж.

Вновь без макияжа. Вновь похожа на подростка. Но мне абсолютно все равно. Плевать! Мне нужно сбежать.

– Где здесь можно купить дождевик? – спросила я у администратора ресепшна.

– Вы можете получить его бесплатно у нас, – улыбнулась

мне в ответ девушка.

– Отлично! Несите!

Через минуту, одетая в длинный полупрозрачный синий дождевик, похожий на большой мусорный пакет, я вышла под дождь и с трепетом глубоко вдохнула запах мокрого асфальта.

По мокрой дороге проезжали автомобили, с зажженными фарами, так как вокруг стоял полумрак. Небо – настолько серое, что, казалось, Гданьск захлебнется в дожде, который затопит его до самых крыш домов и гостиниц. Проходящие мимо меня люди были одеты в куртки. На ногах прохожих – резиновые сапоги, водоотталкивающие кроссовки и кожаные полуботинки, полусапожки. Меня окружало море разноцветных зонтов. А я стояла в этом море – как маяк, в своем синем дождевике. Мои кеды промокли уже после пяти секунд пребывания под дождем.

Все бежали, куда-то торопились.

И только я не знала, куда мне идти.

– Не подскажите, который час?

Прохожий недоуменно посмотрел на меня. Затем на свои часы, спрятанные под рукавом куртки.

– Без семи минут одиннадцать.

– Спасибо. – Я медленно побрела дальше.

Лило как из ведра. Мои волосы, не поместившиеся под капюшон, висели, как крысиные хвостики, и с них стекали ручьи. Противоестественно длинные крысиные хвосты.

С тех пор, как я покинула отель, прошло три с половиной часа. Я провела их, бродя по старому городу. Даже при тусклом дневном свете, несмотря на дождь, лужи, мои промокшие насквозь кеды и джинсы до колен, что причиняло мне физический дискомфорт, Гданьск стоил того, чтобы на него посмотреть.

Мартин был прав. Очень уютный город.

Город сильно пострадал во время Второй Мировой войны, как и вся Польша, но правительство Польши и меценаты выделили большие суммы на реставрацию старых зданий, в их первоизданном виде, что, несомненно, радует глаза и туристов, и жителей моей родной страны. Старый город Гданьска – это волшебная, детская, слегка мрачноватая, но прекрасная сказка. Дома – высокие, стоящие стройными рядами, поражают своей неповторимостью. Здесь нет ни одного одинакового, или похожего друг на друга домов. Каждый дом – выточен до последней детали, до последнего завитка на лепнине с фольклорными элементами или человеческими телами и лицами. Это – музей под открытым небом. Везде брусчатка, камень, каменные перила, скульптуры, повсюду на тебя смотрят мифические существа, сросшиеся с камнем. Красивая длинная набережная, облепленная хорошими кафе и ресторанами. Корабли в гавани. Напоминает мне мою юность, когда все это было привычным. Теперь же эта красота уступила место технологиям. И, хотя я люблю современный мир, архитектуру и удобство, которые с каждым годом дарит ци-

вилизация и лучшие умы планеты, меня вдруг поразила тоска по прошлому. По моей юности. В то время ничто не беспокоило меня, а теперь я была едой огромной пиявки, сидящей во мне.

Я пожалела о том, что не взяла с собой камеру. Это были бы замечательные кадры. Полные мрачной красоты. Я видела ее повсюду. Она была вокруг меня. Я восхищена ею. Мое лицо было залито дождем, ноги промокли насквозь, но я уже третий час бродила по Старому городу, изучая каждое здание, каждый дом, наблюдая за людьми. Из многочисленных кафе доносились запахи еды, кофе, алкоголя, – и все смешивалось в один довольно приятный аромат, как что-то родное, домашнее, то, что я давно знала. Польша – страна, где я родилась и где прошла моя юность. Это ее аромат. Он не меняется уже более двух столетий.

Мой взгляд упал на большую деревянную вывеску, на которой большими черными буквами, по-польски, в старинном стиле было написано: «Мартин приглашает», а снизу виднелось скромное «лучшая восточно-европейская кухня Гданьска». Я усмехнулась: таким хвастуном мог быть только мой брат.

«Интересно, сам ли ты готовишь, хвастунишка!» – с иронией подумала я, заходя в ресторан Мартина.

Нужно отдать должное: мой брат – просто умница. Снаружи ресторан не выглядел таким уютным, каким оказался внутри: деревянные грубо-сколоченные столы (под старину),

внушительные, более похожие на троны, деревянные, грубые на вид стулья. На столах – красивые тяжелые старинные медные подсвечники, с настоящими горящими свечами. На стенах – расшитые народными узорами полотенца, венки из искусственных цветов и красно-белые ленты. Но центром всего этого великолепия был камин. Настоящий, выполненный из темного камня камин, с самым настоящим огнем, освещающим комнату. Несмотря на непогоду, зал был наполовину заполнен.

– Давай свой дождевик, Красная шапочка. – Мартин появился из-за двери, явно ведущей на кухню – я успела заметить это краем глаза, и подошел ко мне. – Обнимать пока не буду.

– Синяя шапочка! – парировала я, расстегивая свой дождевик. С него текли ручьи. Как и с моих волос. – Посмотри на мои кеды и джинсы! Насквозь!

– Снимай. Просушим немного. Здесь есть камин.

– Я заметила. Но я и так обойдусь.

– Как хочешь. Я звонил тебе.

– Мой телефон остался в отеле.

– Я так и понял. Пойдем. – Мартин взял меня под локоток и усадил у самого уютного столика – рядом с камином.

– Доски на полу поскрипывают, – заметила я.

– Только слегка. А люди вообще этого не замечают, – усмехнулся Мартин.

– Не замечают или не просто-напросто не слышат? – тоже

усмехнулась я.

– В том-то и дело. Как тебе ресторан?

– Пять звезд, Мартин. В честь себя любимого назвал. И как идут дела?

– Неплохо. Как видишь.

Я критически обвела взглядом публику.

– Неплохо говоришь?

– Да. Зал не полон потому, что сегодня рабочий день. Но вечером все будет забито. – Лицо Мартина озарилось такой самодовольной улыбкой, что я поняла, насколько он влюблен в свой ресторан, и как он горд за свой успех.

– Кем? – поинтересовалась я.

– Туристами, местными. Смертными, в общем. А для студентов у меня есть скидки – пятьдесят процентов, поэтому молодежь любит встречаться здесь ближе к вечеру, после занятий. Да и пиво у нас дешевое и вкусное. Сами его варим!

Он расписывал все так подробно, с таким неподдельным энтузиазмом, словно я была репортером, а он – известным ресторатором. Что ж, возможно, в скором времени он им станет.

– Верю. Здесь очень уютно. Ты умница, – похвалила я с улыбкой. – Мне очень нравится. А эти веночки на стенах – мм... Напомнило мне юность.

– Добро пожаловать в прошлое, моя дорогая. Хотел бы угостить тебя чем-то особенным, но, боюсь, ты не оценишь, – ухмыльнулся мой брат.

Он знал, что я никогда не пробовала и не имела желания пробовать пищу смертных.

– Ты знаешь, что я предпочитаю пить вино, – подмигнула ему я. – Но только не говори, что ты теперь еще и поваром сделался.

– Нет, повар у нас Майя.

– Полячка?

– Да, и у нее золотые руки.

– Одна на весь этот большой зал?

– В пять приходит Борис – ее сын. Тоже повар. Да, и еще два официанта.

– Как ты все устроил. Да ты прирожденный бизнесмен! – Я похлопала Мартина по плечу.

Мои мокрые волосы, лежащие на спине, сделали мокрой и мою футболку. Это было омерзительно – сидеть в мокрой одежде и кедах. Я провела ладонью по затылку. – Черт. Я как будто из ванны вылезла.

– Что ты делала на улице в такую погоду? – поинтересовался Мартин.

– Гуляла, – честно ответила я. Ведь это была правда. Хотя причину этой прогулки я предпочла не открывать. – Ты посоветовал мне пройтись по городу.

– И?

– Ты был прав: уютно и красиво. Но жить здесь я бы не смогла. Слишком скучно.

– Да, ты дитя мегаполисов.

– Возможно, – усмехнулась я. – Маленькие города душат меня. Но здесь очень мило. Кстати, как ты познакомился с Алесом? Такой приятный человек.

– Я думал выпить с ним вина, но он стал рассказывать мне про своего сына. Он старается для него. И я передумал. Да и вино уже слегка прокисло с возрастом... Когда я стану отцом, я тоже буду стараться для своих детей. – Мартин снисходительно улыбнулся. – Что с тобой происходит?

– Что? – удивилась я его вопросу и тому, каким серьезным вдруг стало его лицо. – У меня все прекрасно.

– Ты терпеть не можешь влагу и в дождь не появляешься на улице, – категоричным тоном сказал Мартин.

– Я улетаю сегодня вечером. – Я сказала это, лишь бы он отстал от меня с расспросами. Но теперь и вправду придется покупать билет. – Так что времени, ждать удобной погоды, у меня нет.

– Куда? – прищурил глаза мой брат.

– В Торонто. Елле прислал заказ на съемку. – К счастью, здесь мне не пришлось лгать.

– Когда?

– Во вторник.

– И ты улетаешь за неделю? – усмехнулся он.

– Ты меня в чем-то подозреваешь? – с иронией спросила я.

– Да. Я знаю тебя, Мария. Наверно, лучше, чем ты думаешь.

– Я тебя не обманываю.

– У тебя точно все в порядке?

– Да! – со смешком сказала я.

– Ты уверена?

– Да!

– Если у тебя были бы проблемы или ты чувствовала бы себя несчастной, ты бы сказала мне?

– Да! – солгала я, глядя в его глаза. Я лгала ему. Мартину. Прямо в глаза. Как низка моя искалеченная душа! – Не волнуйся за меня. – И чтобы избежать дальнейшего неприятного разговора, спросила: – Ты на авто?

– Да.

– Отвези меня в отель.

– Не хочешь составить мне компанию еще пару часиков? – печальным тоном спросил Мартин.

– Прости, дорогой, но мне нужно собирать чемодан. К тому же я не накрашена.

– Я заметил. И поэтому я знаю, что ты не в порядке.

– Ты опять за свое! – Я выдавила из себя смешок и поспешно поднялась со стула. – Отдай мне мой дождевик. Мне нужно вернуть его на ресепшн.

Мартин с подозрением посмотрел на меня, но все же вернул мне дождевик. Мы вышли на задний двор, быстро заскочили в его Снегурочку и помчались в отель. По дороге я попросила его рассказать о том, почему он вдруг решил открыть свой ресторан. И он так увлекся своим же рассказом, что я доехала до отеля без его изводящих расспросов о моей

жизни.

– Если устанешь от своей скучной жизни здесь, – приезжай ко мне в Торонто, – сказала я на прощание и поцеловала его в щечку.

– Отвезти тебя в аэропорт? – спросил Мартин.

– Не нужно, спасибо. Я найму такси.

– Алес может отвезти тебя. Во сколько твой самолет?

Черт! У меня еще нет билета, и я не знаю во сколько!

– В девять пятнадцать, но, возможно, рейс задержат, – выкрутилась я. – Дай мне его номер, я сама вызову его после того, как свяжусь с аэропортом.

Мой ответ удовлетворил Мартина. Он дал мне номер Алеса, я вновь поцеловала его в щеку, вышла из машины и быстро зашла в отель.

«Нужно срочно купить билет» – подумала я, поднимаясь по лестнице, после того как отдала мокрый дождевик на ресепшн. Администратор при этом окинула меня удивленным взглядом, и ее глаза округлились. Вроде как я сумасшедшая – гулять в такую погоду!

К счастью, я нашла билет. Десять двадцать.

В восемь Алес забрал меня из отеля.

Глава 7

1904 год. Варшава. Четырехсотая годовщина свадьбы наших родителей.

Мартин, Мсцислав, я и Маришка. Миши еще не существует.

Я и Маришка стоим в огромном бальном зале, полном гостей. На нас – платья той кричащей и скучной эпохи. Платье Маришки – элегантное, почти строгое. Мое – обнаженные плечи и глубокое декольте. В наших волосах, уложенных в высокие пышные прически, – искусственные цветы. У Маришки – крохотные синие фиалки. У меня – большие красные розы. Мою шею украшает золотое кольцо с красным камнем.

Мы смотрим, как кружатся в вальсе гости, и я полна желания покружиться тоже, но только с одним мужчиной, с которым я флиртовала пять минут назад. Маркус Морган. Но я не была заинтересована в нем, нет. Я флиртовала с ним только потому, что Маришка влюблена в него. Но это тайна известна лишь нашей матери и мне. И я с острым удовольствием использовала этот факт, чтобы досадить сестренке. И сейчас она стоит рядом, и ее душа полна жгучей ненависти ко мне. Это видно по ее глазам. Не разговаривает со мной. Не смотрит на меня. О, какое наслаждение. Наслаждение унижить ее, эту недотрогу, эту монашку. Все вокруг только и говорят, как она скромна и элегантна. Что ж, с ее качествами, ее дурацкая любовь к Маркусу Моргану кажется смешной, потому что он – плохой мальчик. Он никогда не взглянет на такую, как Маришка. Но я к нему равнодушна, мне лишь хочется потрепать нервы моей влюбленной в него сестры. А ее

так легко унижить. Использовать ее тайну.

Но Маркус занят – танцует со своей кузиной по материнской линии.

Я чувствую на себе чей-то пристальный взгляд.

Мама смотрит на меня хмурым взглядом. Я улыбаюсь ей в ответ и посылаю воздушный поцелуй.

Маришку уводит танцевать Мартин. Он всегда печется о нас, своих сестрах. Но больше о младшей.

Меня ведет в круг танцующих прекрасный вампир Уильям Руарк Гордон, и мы кружимся в плавном танце, обсуждая последние новости и смеясь.

На следующий день, вечером, мы сидим в главном зале, слушаем квартет скрипачей. Такие ужасно воспитанные, элегантные. Мерзко. Притворяемся эстетам.

Маришки нет. Она не выходит из своей комнаты с самого утра.

Этот факт забавляет меня, и я с острым наслаждением понимаю, что моя вчерашняя цель достигнута.

– Прошу простить нас, мальчики. Я и Мария собираемся на прогулку, – вдруг слышу я голос матери.

Я удивленно приподнимаю брови. Вот так! Как интересно узнать о том, что я, без моего ведома, собралась на прогулку!

Но, улыбнувшись маме, я поднимаюсь с кресла и расправляю складки подола моего красивого платья. Я и мама покидаем замок и медленно идем по ухоженной, выложенной плоскими камнями дорожке. Мы уходим далеко от нашего

замка. Рука об руку. Молчим. Через некоторое время наши каблуки стучат о камни широкого моста, соединяющего наши огромные владения с остальной Варшавой.

Вдруг мама останавливается и высвобождает свою руку из моей.

– Маришка плакала всю ночь, – тихо говорит мама.

Я бросаю взгляд на мать: ее лицо наполнено строгостью и угрюмостью.

– Из-за тебя, – добавляет она.

Ах, вот оно что. Вот, для чего эта прогулка.

– Брось. Она всегда чем-то недовольна, – с иронией отвечаю на это я.

– Мария, то, что ты сделала – отвратительно по отношению к твоей сестре. Ты прекрасно осведомлена о том, что она любит Маркуса Моргана. Но ты флиртовала с ним.

– Я просто слегка развлеклась. Не думала, что Маришка будет рыдать от этого, – безразличным тоном бросаю я.

В моей душе нет ни капли сожаления.

– Я знаю, что вы никогда не чувствовали друг к другу сестринской любви. И это печалит меня. Но я не прошу тебя любить ее. Я прошу уважать ее чувства. Ее любовь. – Голос мамы вдруг дрожит, и на ее глазах появляются слезы.

Это причиняет мне неловкость. Пугает меня.

– Мама... – Я касаюсь ее плеча, но она не реагирует на мой жест.

– Тебе не понять, как она страдает. Неразделенная любовь

– это худшее, что может случиться с нами, – с чувством говорит она.

Я молчу. Во мне борются два чувства: гордость и любовь к матери.

– Прости меня, – наконец, тихо говорю я.

– Не у меня ты должна просить прощения, а у сестры.

– Это свыше моих сил.

– Она – твоя сестра!

– Мама, пожалуйста! – настойчиво восклицаю я и оборачиваюсь к ней спиной. – Я обещаю, что больше не буду флиртовать с ним. Этого достаточно, Но не заставляй меня просить у нее прощения! Потому что этого никогда не случится!

– Почему ты так бездушна? Почему я настолько плохая мать, что не сумела привить моим дочерям любовь друг к другу? – Полным тоски голосом говорит мама.

Эта фраза заставляет меня обернуться к ней.

По щеке мамы скатывается слеза. Она смахивает эту влагу ладонью, обтянутой черной шелковой перчаткой.

Я вижу ее слезы в первый раз в своей жизни.

Невыносимо.

Мама плачет.

Меня съедает жуткий стыд.

Я беру ладонь мамы в свою и прижимаю ее к своим губам.

Не знаю, как утешить ее. Но давать клятву искать прощения Маришки не стану. Никогда.

Это воспоминание пришло ко мне с секундным ступором, заставшим меня в самолете.

Как странно. Раньше я никогда не думала о прошлом. И воспоминание было кошмаром. Кошмаром, жестокой правдой, настигшей меня через все эти годы.

Мое тело, душу, мозг заполнило то же ужасающее сильное чувство стыда, что и в тот вечер, более столетия назад. Я схватила лежащий на прикроватном столике смартфон и набрала сообщение маме: «Прости меня за все. Ты – лучшая мама на свете. Не твоя вина в том, что твоя дочь – худшая дочь в мире».

Одно прикосновение, и это сообщение полетит к матери, как голубь мира, как запоздалое раскаяние ее неблагодарной дочери.

Но моя гордость не дала мне сделать этот жест. И я стерла сообщение, кинула смартфон на колени и откинулась в кресло-кровать первого класса самолета, который нес меня на своих железных крыльях домой в Торонто.

«Не ты ли прокляла меня, Маришка? Теперь в твоём положении оказалась я! Но, в отличие от тебя, о моем несчастье буду знать только я. Я никому не позволю поступать с собой так, как поступила с тобой я! – с раздражением подумала я. – Мне нельзя оставаться наедине с собой... Поскорее бы уже приземлиться в Торонто!».

Ненавижу долгие путешествия и частые смены самолетов. Но добраться из Гданьска до Торонто – целая система. Гданьск – Берлин – Рейкьявик – Монреаль – Торонто. Двадцать девять часов. Просто выпали из моей жизни. Двадцать девять часов раздумий и бестолкового времяпровождения. Никакой пользы. Лишь потерянные часы.

Когда самолет, наконец-то, опустился в Торонто, оказалось, что мой чемодан с камерой и всеми моими вещами застрял в Рейкьявике и пребудет лишь через двадцать часов. В ответ на эту информацию я просто бессильно пожала плечами. Но я – заядлая путешественница, поэтому все мои чемоданы оснащены специальными бирками с моим именем и контактной информацией, и сотрудники аэропорта пообещали доставить мой чемодан прямо в мою квартиру, как только тот пребудет в аэропорт.

Но во всем этом каламбуре все же был один светлый пункт: несмотря на спонтанность и отсутствие других рейсов, мне повезло, и я прилетела в Торонто в десять вечера.

Мой автомобиль ждал меня на стоянке у аэропорта. Очень удобно.

Торонто! Здравствуй, мой любимый город! Полный жизни и огней! Как приятно рассекать твои дороги в это вечернее время! Как приятно слышать весь этот шум и гам, видеть всех этих многочисленных смертных! Как же я скучала по тебе, хоть и рассталась с тобой совсем ненадолго!

Поездка из аэропорта домой немного развеяла мои мрач-

ные мысли, но, подъезжая к пентхаусу, я с неудовольствием обнаружила, что мой сосед, тот самый ловелас Трой, устроил у себя шумную вечеринку. Поэтому, не доезжая до стоянки, я резко развернула авто и направилась в ночной клуб. Но забытья мне не удалось. Едва я стала целоваться с жертвой, как меня вдруг объяло такое отвращение, что я отшвырнула от себя поклонника, и, ошеломленная охватившими меня чувствами грязи и презрения, почти выбежала из клуба, села в свой автомобиль и на бешеной скорости помчалась домой. Объятая чувством, которого до этого не знала никогда – отвращением к себе.

И плевать на Троя и его вечеринку!

Домой... Домой!

«Что мне делать? Что, черт побери, мне делать? Я схожу с ума!» – лихорадочно думала я по дороге, с силой впившись нервными пальцами в руль автомобиля. – Как мне сбежать от себя? Куда бежать? К кому?»

– Прочь с дороги! – раздраженно крикнула я, ударив по кнопке сигнала, а затем выехала на встречную, пронеслась мимо ряда автомобилей. – Идиоты!

Кто-то из них посигналил мне вслед, но мне было плевать. Затем я свернула на нужную мне улицу и постаралась направить свои мысли в нужное русло.

«Я знаю, с кем смогу забыть все, что тревожит меня. Миша. Моя милая Миша! – вдруг решила я. – Закажу билет до Стокгольма тотчас же, как доберусь до квартиры. Не стану

предупреждать ее. И даже если Фредрик будет там – плевать! Плевать на камеру, которая лежит в чемодане, в Рейкьявике, плевать на все! Мне нужно обнять мою Мишу, мое солнце. Слушать ее, слушать, как птичку. Она залечит мои раны своим пением».

Доехав до пентхауса и получив солидный штраф от офицера дорожного патруля за превышение скорости, я за пару секунд настигла свою квартиру, включила макбук, который всегда был при мне, в моей сумке, и заказала билеты до Стокгольма. Ближайший рейс был через четыре часа. Бизнес-класс. Без багажа. Мне некогда было собирать чемодан. Да и запасного чемодана у меня не было. Странно. Я ведь так часто летаю. Нужно было бы обзавестись... А впрочем, не важно.

На мне – короткое в леопардовых пятнах платье, короткая кожаная куртка, черные ботильоны на высоком толстом каблуке. Сумка с документами, смартфоном и макбуком. Это все, что мне нужно.

Впереди – вновь потеря части моей жизни. Долгий путь назад в Европу. Вновь лететь через полмира обратно, за спасением. К Мише.

Торонто – Бостон – Рейкьявик – Стокгольм. Я буду там в двенадцать дня.

В аэропорту я проверила погоду в Стокгольме: будет ясно, тепло и солнечно.

Но мне все равно. К тому же это совершенно не проблема.

Приземлившись в Стокгольм, я написала Мише краткое: «Ты дома?».

«Мы в домике на Венерне» – лаконично ответила она.

Черт. Значит, они не в своем стокгольмском доме, а в домике, где жили до переезда в столицу. В домике у озера. Придется ехать туда.

«Ты в Стокгольме?!» – через пару секунд пришло новое сообщение от Миши.

Я остановилась у выхода из аэропорта, избегая солнечных лучей, падающих всего в метре от меня. Мне нужна была машина с затемненными стеклами. Но на стоянке такси я не увидела ни одной. Не долго думая, я позвонила куда нужно, и через полчаса за мной приехал лимузин. С почти черными стеклами. Я попросила водителя припарковаться как можно глубже в тени аэропорта, а окружающие с удивлением смотрели на то, как я быстро сажусь в машину.

«Наверно, какая-то звезда. Ты ее раньше видел?» – услышала я тихий женский голос.

– «Должно быть модель... Или жена миллионера. Ну да, вон, сколько пластики у нее на лице!» – утвердительным тоном ответил ей второй женский голос.

Ахаха! Принимают мою вампирскую идеальную красоту за пластику! Пусть! Жалкие завистливые смертные!

Но, к счастью, моя особа не вызвала особого фурора, и голоса стихли так же быстро, как и подняли негромкий гул удивления.

«Еду к тебе» – написала я Мише, теперь будучи в безопасности от солнца. Подумав, я отправила: «Фредрик с тобой? Надеюсь, не помешаю вам?».

«Он уезжает. Жду тебя!!!» – ответила Миша.

«Уезжает... Конечно, у него вдруг обнаружили очень важные дела! Мише стоило лишь сообщить ему о моем скором визите!» – ухмыльнулась я.

Я покинула лимузин на небольшой станции рядом с озером. Миша приехала за мной на «Мустанг» Фредрика. Все тот же старый добрый «Мустанг». Давно пора бы сменить его на что-то более качественное и современное. Но Фредрик, естественно, ни за что этого не сделает.

Благодаря небольшому облачку, закрывшему солнце на пару секунд, я быстро юркнула в автомобиль Миши, и мы покинули станцию, направившись в домик у озера, в котором я никогда не была раньше. Конечно, я была приглашена еще давно, и не раз, но у меня всегда не получалось прилететь – слишком стремительно развивалась моя карьера за последние восемь лет.

Миша была прекрасна: одетая в узкие черные джинсы, длинную темно-зеленую футболку мужа и кеды. Ее волосы были влажными и заплетены в длинную лохматую косу, которая, однако, очень шла ее милому личику.

– С каких пор ты стала носить вещи твоего нудного мужа? – со смешком спросила я.

– Когда ты написала, я плавала в озере. Не было времени

обдумывать гардероб, знаешь ли! – рассмеялась на это Миша. – Поэтому я надела первое, что увидела. Фредрик как раз сменил футболку перед отъездом, а эту оставил на спинке стула, в гостиной.

– Куда он уехал?

– В Стокгольм.

– У него там дела? – усмехнулась я.

Вот это да, он настолько не желал видеть меня, что даже не удосужился бросить свою футболку в стирку, а просто бросил ее в гостиной! Как некрасиво.

– Нет, он просто дает мне время и возможность побыть с тобой, – не отрывая взгляд от дороги, с улыбкой ответила Миша.

– В смысле? – беспечным тоном переспросила я.

– Я давно знаю, что вы не переносите общество друг друга. Не отпирайся, – весело сказала Миша, взглянув на меня.

– Черт. Мне очень жаль, но это так. Но я надеялась, что ты об этом не догадываешься. И давно ты знаешь? – честно призналась я. Мне стало неловко оттого, что она знала все это время. Знала и делала вид, что ничего не замечает.

– Давно. Вы ведь так очевидно избегаете друг друга! Но все в порядке. Я приняла это. Я люблю мужа и люблю тебя, и, раз вы не можете находиться в одном помещении без неприязни друг к другу, что ж... Меня устраивает такая система. – Миша улыбнулась спокойной улыбкой и пожала плечами.

Я смотрела на младшую сестру, и мне трудно было пове-

ритель. Это моя Миша?

Она так повзрослела. Уже не та гипер-эмоциональная девчушка, что уехала учиться в Оксфорд. За восемь лет ее брака с Фредриком она изменилась. И почему я раньше не замечала этого? Привыкла думать о ней, как о маленькой сестренке – бесшабашной, неопытной, импульсивной. Но теперь я ясно осознавала, что той девочки больше нет. И мне было немного трудно принять это. Принять то, что она изменилась, в то время как я оставалась все прежней.

– Что? – улыбнулась она, наверно, заметив мое замешательство.

– Ничего. Я просто думаю, что ты очень изменилась, – с улыбкой ответила я.

– Надеюсь, в лучшую сторону?

– Ты стала спокойной и рассудительной. Моя девочка вдруг выросла! – Я потрепала ее по щеке. – Больше не закатываешь истерик?

– Ну что ты, пока Фредрику не так везет. Иногда я не могу сдерживать эмоции. Я очень стараюсь, но, кажется, такова моя природа!

Мы добродушно рассмеялись. Она была так мила, моя Миша. Шутила над собой. Чудесно.

«Такова моя природа» – сказала она. Что же тогда моя природа? Быть злобной сукой, портящей жизнь родным сестре и матери? Боже. Как Миша терпит мое общество? Она так прекрасна, так невинна. Ангел. Наверно, это правда, что

грязь особо заметна, когда рядом сверкают своей чистотой белоснежные туфли.

Так мы и ехали: я – грязь и ложь, и Миша – красивые белоснежные кеды. Ехали вдоль красивого чистого озера, в самом сердце волшебного шведского леса.

– Так и ездите на бедном «Мустанге»? – перевела я тему, ибо она была невыносима. Для меня.

– Да. Фредрик любит его. Это он ездит на нем. А у меня есть мотоцикл.

– Что? Мотоцикл? – Я была приятно поражена. – Почему-то я думала, что у тебя будет «Вольво», который выбрал бы для тебя Фредрик!

– Нет уж. В этот раз его недовольство меня не трогает. Во всем остальном, конечно, я вечно ему уступаю. Я знаю, что это плохо. Но я так люблю его... Не знаю, как это выразить! Но я уже не та наивная девочка, и ему придется смириться с тем, что я имею свое мнение. Я чувствую, как во мне зреет эта сила – сила говорить «нет», – серьезным тоном сказала Миша.

– Правильно. Никто не должен руководить твоей жизнью, кроме тебя самой, и я рада, что ты начинаешь понимать это. – Ее слова приятно удивили меня. Я была горда за нее.

– Но, на самом деле, я не чувствую, что он ущемляет меня. Я просто доверяю его мнению, потому что он прожил столько лет, а я только начинаю познавать жизнь. Но это не будет продолжаться вечно. Я повзрослею и буду независима

в своих суждениях. А пока что одна маленькая победа у меня есть – мой мотоцикл.

– Именно. У тебя все еще впереди, моя милая. Просто живи и набирайся опыта. Что за мотоцикл?

– «Vajaj Pulsar 2000».

– Покажешь, потому что я предпочитаю автомобили.

– Конечно. А где твой багаж?

– В Рейкьявике, – ответила я, не вдаваясь в подробности.

– У меня много одежды. Бери, что хочешь, – поняв, о чем я, с улыбкой сказала Миша.

– О, это я знаю. Спасибо, милая. Как в старые добрые времена.

Мы частенько менялись одеждой, когда была возможность находиться рядом. Но, из всего моего гардероба Миша всегда брала только скромные вещи. Если у меня такие были. Я знала, что после очередного визита в Прагу, она часто привозит с собой одежду Маришки, словно ей было лень покупать для себя самой. Или Миша так доверяла «безупречному», как все говорили, вкусу нашей святоши. Скукотища на мой взгляд.

– И что вы делаете на озере? – поинтересовалась я.

– Я устала жить в Стокгольме, и мы вернулись сюда, – сообщила Миша.

– Надолго?

– На пару месяцев. Я так рада, что ты все-таки приехала! Но все же: почему и насколько?

– Я тоже устала. Морально. Решила провести время с моей любимой сестренкой. – Я довольно улыбнулась. И это была почти правда. – Насколько? Недели на три.

– Так мало? – недовольно буркнула Миша.

– Да, прости. Но у меня выставка, открытие.

– Ах да! Мама сказала мне! – радостно прошептала сестренка.

– Не сомневаюсь, – усмехнулась я. – Ты приедешь на открытие?

– Когда?

– Десятого октября.

– Еще спрашиваешь? Конечно! И Фредрик поедет со мной, даже если будет отпираться!

– О, боги, бедный Фредрик! – рассмеялась я.

Миша вдруг свернула с дороги на узкую, выложенную гравием дорожку, ведущую куда-то в чащу леса.

– Скоро будем дома! – весело сказала Миша.

– Напомни мне еще раз: Фредрик сам построил ваш дом? – спросила я.

– Да, и всего за две недели. Еще у нас есть причал и лодка.

И качели.

– Как здорово. И как чудесно видеть тебя счастливой, моя милая.

– Спасибо. И я надеюсь, что ты тоже счастлива.

«Ты никогда не узнаешь правды, моя хорошая! Иначе, ты будешь страдать за меня. Ты не должна страдать. Никто не

должен. Это только мое бремя», – с горечью подумала я.

– Да, конечно, – улыбнулась я фальшивой вымученной улыбкой.

Через пару минут из-за деревьев вновь выглянули озеро и стоящий на его берегу двухэтажный деревянный дом, выкрашенный в матово-красный цвет. Но я не стала спрашивать, почему красный и зачем им нужны качели.

– Что ж, должна справедливо отметить, что Фредрик постарался на славу! – искренне воскликнула я, ошеломленная мастерством моего бывшего любовника.

– Да, он старался! Но я тоже помогала. То есть, это я выкрасила весь дом! А как тебе цвет? Красивый, правда? – с гордостью в голосе сказала на мое восклицание Миша.

– О, да. Просто шикарный! – ответила ей я.

Миша припарковала автомобиль рядом с домом. К счастью, солнце скрылось за густыми белыми облаками, и я могла не прятаться от его лучей.

Я вышла из авто и воспользовалась моментом, чтобы взглянуть на дом более пристально.

«Маленький домик» (по понятиям молодой четы Харальдсонов) на самом деле представлял собой массивный высокий дом, сделанный из больших, грубо вытесанных досок, прилаженных друг к другу так плотно, что линии различия были едва заметны. Большая широкая терраса на втором этаже, с невысокими перилами из тонких стволов какого-то дерева, выглядела очень уютно. На ней виднелись дере-

вянные шезлонги, на которых были надеты мягкие чехлы из искусственного меха. Рядом с террасой находилась большая веранда с раздвижными стеклянными дверями. На первом этаже было четыре широких окна, а между ними – высокая массивная деревянная дверь, к которой поднималась широкая деревянная лестница, насчитывающая шесть ступеней. Лестница и дверь были надежно укрыты широкой треугольной крышей, с которой спускался на тонкой цепи большой фонарь.

– Я забыла предупредить: у нас нет электричества, – вдруг сказала Миша, подходя ко мне. – Точнее, у нас имеется лишь одна рабочая розетка, но только для зарядки телефонов.

– Ты шутишь? – усмехнулась я. – Мой макбук умрет через четыре часа, а мне нужно срочно написать Elle о том, что я занята!

– У тебя есть доступ к интернету на телефоне? – спросила Миша. – У меня нет.

– Конечно, у меня есть интернет! Я просто зависима от него! Как же вы здесь живете? Без электричества и интернета? – хмыкнула я, удивляясь все больше и больше.

– Уверяю тебя, жизнь без интернета – просто волшебна! Мы свободны от него. А электричество нам не нужно: вечером мы зажигаем свечи и камин. И становится так уютно! Мне нужна только вода для моих цветов.

– Только не говори, что вы не купаетесь? Я тебя знаю, чистюля, – ты можешь часами лежать в ванне! – рассмеялась я.

– Для этого у нас есть целое озеро! Но у нас есть душ, конечно! Правда, это скорее шланг с водой, там за домом, но там есть деревянная кабина! – с восторгом ответила на это Миша. Она взяла меня за руку и повела за собой на невысокий причал, рядом с которым была привязана большая красная лодка. – Смотри, какая красота! Вода настолько прозрачна и чиста, что можно увидеть дно. Но на самом деле здесь достаточно глубоко.

– Да, очень красиво, – охотно согласилась я. – Но, знаешь, я не смогла бы так жить. Без электричества, интернета и с душем на улице! Даже посреди этого одинокого рая. Здесь же зачахнуть можно со скуки!

– Да, иногда здесь бывает тоскливо... Но для этого у нас есть дом в столице. А когда я устаю от Стокгольма, мы вновь и вновь возвращаемся сюда. – Миша мечтательно улыбнулась. – С этим местом у меня связано столько воспоминаний! И оно помогло мне прийти в себя после неудачного опыта в Оксфорде.

– После приступа, ты имеешь в виду? – спросила я и тут же увидела округленные от удивления глаза сестры. Я подбадривающе погладила ее по плечу. – Да, да, Мартин проболтался! Но не злись на него – он взял с меня клятву не рассказывать тебе о том, что я знаю. А я взяла и сболтнула. – Я добродушно улыбнулась. – Но мне больно оттого, что ты скрыла это от меня. Почему, Миша?

Она опустила взгляд на землю.

– Мне было стыдно... И я не хотела, чтобы ты и Маришка знали, – тихо ответила она.

– Значит, Маришка до сих пор не знает? – уточнила я.

– Нет. Только если Мартин не проболтался и ей.

Неужели! Свершилось! Я знаю о Мише то, чего не знает наша сестрица!

Я была жутко довольна этим обстоятельством.

– Ну и оставим это в прошлом! А теперь показывай мне свой дом, хозяйюшка! – весело сказала я, чтобы отвлечь Мишу от неприятных воспоминаний. – А что насчет уборки? Сами? Или смертных нанимаете?

– Да, сами, но, когда мы в Стокгольме, здесь живет пожилая пара из местной деревни. Они убирают, ухаживают за цветами и лодкой, – вновь оживившись, ответила Миша.

– И кто-то добровольно соглашается жить здесь без электричества? – подтрунила я.

Она взяла меня под локоток, и мы направились к дому. Вокруг был насыпан мелкий гравий, и я с неудовольствием подумала, что исцарапаю свои дорогие ботильоны.

– Мы хорошо им платим. Тем более, им самим здесь нравится! – Миша показала мне язык. – Тебе только комфорт подавай! И кто же из нас чистюля?

– Не бойтесь оставлять их в доме с запасами крови их сородичей?

– У нас их нет. Мы только охотимся.

«Ах, ну да, помню это дурацкое мнение Фредрика насчет

употребления крови из бутылок! – с сарказмом подумала я. – Бедная сестренка! Он так подчинил ее себе!».

– Но это не из-за Фредрика, – вдруг сказала Миша, словно поняв мою еле заметную усмешку. – Это мое решение. Поэтому что... Я боюсь, что, если перестану охотиться и вести себя как настоящий вампир, у меня опять будет... Раздвоенные личности. – Она горько улыбнулась.

Я обвила рукой ее талию и поцеловала в щеку:

– Этого никогда не произойдет, моя милая. Ты у меня умница.

– Надеюсь на это, – улыбнулась Миша. – Ты сейчас с кем-нибудь встречаешься?

– Нет. Пока что у меня нет ни времени, ни желания, – со смешком ответила я на ее неожиданный вопрос.

Мы подошли к двери, и Миша, достав из заднего кармана своих джинс ключи, открыла ее и пропустила меня внутрь.

– Сама обставляла? – поинтересовалась я, оглядывая первый этаж.

– Конечно! Не доверять же такое важное дело Фредрику с его отвратительным вкусом! – рассмеялась Миша. – Здесь у нас гостиная, с камином. Вечером зажжем его, и ты убедишься, как хорошо жить без электричества!

– Теперь верю. А как, насчет, поплавать в озере при свете луны? – подмигнула я моей сестренке.

– Отличная идея! Я только за! Можешь взять мой купальник!

– Он мне не нужен. – Я озорно улыбнулась.

– То есть... Ага, ну, в любом случае, здесь только мы! – рассмеялась Миша.

Если снаружи дом выглядел так, как того желал Фредрик, то внутри он был только Мишей: разноцветные подушки на диванах, шторы мятного цвета, яркие красивые картины на стенах, фотографии в рамках на полках. Среди них – фотография со мной, на свадьбе Маришки. Всего одиннадцать фотографий, три из которых – наша семья, одна – Миша со мной, одна – Миша с Маришкой, одна – Миша с Мартином и Мсциславом (когда Миша была еще девочкой 12 лет), одна – Миша с родителями и четыре – Миша с Фредриком. На широких подоконниках окон стояли прямоугольные цветочные горшки с розами всех цветов и оттенков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.